

**Виталий Каплан
Алексей Соколов**

СТРУНА

Виталий Каплан

Струна

«Автор»

2002

Каплан В. М.

Струна / В. М. Каплан — «Автор», 2002

ISBN 5-91134-017-8

Дети нередко страдают от взрослой жестокости, алчности и равнодушия. Государство — особенно такое, как в 90-е годы — не слишком этому противостоит. Но честные, искренние люди не могут смириться со злом — и образуют тайную организацию «Струна», чья цель — защищать детей от негодяев. Защищать максимально жёстко, не считаясь с законом. А вдобавок в распоряжении этих людей — магическая сила. Ни власти, не бандиты не могут им противостоять — но могут ли они сами изменить положение дел? Школьный учитель Константин Демидов, сперва оказавшийся жертвой «Струны», а затем, после драматических событий, её главой, пытается найти ответ. Текст представлен в авторской редакции. Старое название романа — «Полоса невезения».

ISBN 5-91134-017-8

© Каплан В. М., 2002

© Автор, 2002

Содержание

Пролог	5
Часть первая. В железных зубах	8
1	8
2	13
3	17
4	25
5	30
6	35
7	38
Часть вторая. Приструнение	45
1	45
2	54
3	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Виталий Каплан, Алексей Соколов

Струна

Пролог

Просто так кирпич на голову не падает. Я узнал об этом в третьем классе и страшно гордился своей причастностью. Тупые одноклассники, читавшие одну лишь «Родную речь», разумеется, верили во всякие там «вдруг» и «авось». Я же хранил загадочную улыбку – правда, мало кто ее замечал.

Сейчас в улыбке моей не было ничего загадочного. А вот ощерившегося вампира я очень даже напоминал. Липкие дорожки крови на заросших щеках, встрепанные волосы... Возможно, в лунном свете глаза отливают красным. Правда, здесь, в грузовике, зеркала почему-то не было...

Нам не стали завязывать глаза. Сквозь плотные борта не пробиться даже лучику, да и фиксируй мы все дорожные повороты – что толку?

Значит, правда. Но ведь хочется усомниться, хочется... И хотя ситуация ясна как на ладони, где линии отнюдь не рифмуются с инеем... Утешусь прикладной философией – все остальное еще хуже.

Трясло изрядно. Грузовик, несомненно, стар. Прямой потомок динозавров... Ну, или мамонтов... взяли какой не жалко. Дело известное – после акции его загонят в кювет, пробьют бензобак... Пять минут геенны огненной – и все кончено, господа криминалисты отдыхают.

Впрочем, они и так не станут беспокоиться. Не вчера же родились, понимают – «Струна».

Это будет, как в боевиках с ядовитыми обложками? Выведут в чисто поле, поставят мордой к стенке, пустят пулю в затылок? Или «Струна» на выдумку хитра? Люди шептались о всяком. И где тут фольклор, где крупица истины?.. В темноте не разобрать.

Я сам себе удивлялся. Будто не меня везут лунной ночью в древнем грузовике – убивать. Будто я расположился на диване, укутался зеленым пледом, прихлебываю чай с лимоном – и читаю новый роман фантаста Сомова.

Да, понятно, защитная реакция, мозг ставит фильтры. И словно не было подвала с засиженной мухами лампочкой, лохани с вонючей жижей, а в довершение – Высокого Суда в Мраморном зале. Неужели ирония – это единственное, что из меня не смогли вышибить?

Грузовик вновь дернулся, надсадно взревел раненым буйволом – и вдруг затих. Мелко мелко затрясся, выдохнул из себя остатки жизни. Приехали, надо полагать.

Товарищи мои по несчастью никак не комментировали прибытие. Да и стоило ли разменивать оставшиеся минуты словами. И так уж их было сказано с избытком.

Пару минут ничего не происходило. Потом коротко лязгнули дверцы.

– Ну-ну, *деревянные!* Засиделись? – послышался хриплый, ломающийся басок. – Выходить строго по одному, руки за голову...

Никогда в жизни не пробовал вылезать из кузова с руками на затылке. Очень неудобно.

Естественно, подножки я не нащупал и смачно шлепнулся в грязь – с полутораметровой высоты. Умудрился же водила причалить прямо в необъятную лужу...

Понежиться мне, ясное дело, не дали. Коротко, без замаха, пнули под ребра – и пришлось, кряхтя, подниматься. За несцепленные на затылке руки я тут же заработал второй «гостинец». И как-то очень быстро понял, что умирать надо с максимально возможным комфортом. Это значит – не рыпаться и выполнять команды быстро и точно.

Да в самом деле, перед кем тут вставать в гордую позу? Затянутым в черное ребятишкам такое не впервой. Время Мраморного зала, время торжественных слов кончилось.

Мы стояли коротенькой строчкой-шеренгой, лицом к выщербленному диску луны, а они стояли напротив – гибкие черные тени, ноги слегка согнуты, точно готовые распрямиться пружины. Короткие, кажущиеся игрушечными автоматы направлены нам в животы, а вот лица совершенно не видны. Просто головы, затянутые то ли темными платками, то ли танкистскими шлемами.

Сзади дохнуло холодным ночным ветром, запах пожухлой травы сливался с горьковатым далеким дымом, и где-то у самого горизонта мерцали слабые огоньки – не то окна заброшенной дереvушки, не то рыжие языки костров. Кто и зачем развел их тут?

А поле казалось покрытым россыпями серебряных монеток, и хотя я знал, что это блестит в лунном свете изморозь, но глаза сейчас были мудрее мозгов.

Тишина стояла какая-то нереальная, невозможная. Ни птичьих криков, ни мышиных шорохов, ни еле слышного лязга электрички вдали. Будь время вслушаться – и впрямь различишь, как «звезда с звездой говорит...»

Но времени уже не было. Один из черных комбинезонов выдвинулся вперед и глуховато сказал:

– Что ж, господа *деревянные*, вы знали, чем кончите. Зло, принесенное вами в мир, нельзя изгладить, но можно остановить. А вы, носители пустоты, в пустоту и уйдете.

Он запнулся, зачем-то оглянулся назад, и луна отразилась в его глазах, блеснувших сквозь прорези матерчатой маски. Похоже, еще не затвердил наизусть ритуальную формулу.

– Но Высокая Струна все же не обделила вас своим милосердием. Каждому из вас она дает шанс и помилует тех, в ком остались еще ростки света, кто способен прозвенеть в ответ. Тех ждет не пустота, но долгий путь искупления, в далеких мирах, за гранью тишины...

– Короче, *деревянные*, – прервал его другой голос, постарше, с едва различимой ироничной хрипотцой. – Сейчас вы по команде бежите туда! – и обладатель голоса, невысокий и кряжистый, вытянул руку к невидимому горизонту. – Помните, в глаза вам должна светить луна. Шаг в сторону – сразу пуля. Бойцы стоят с обеих сторон. Кто добежит до горизонта, спасется.

Он затих на пару секунд, а потом коротко выдохнул:

– Пошли!

Еще секунду наша шеренга смертников стояла, оцепенев, а потом вдруг разломалась... и вот я уже бегу, и колотится клубок боли в левом боку, а впереди, разбрызгивая лужи, мчатся неловкие фигуры моих товарищей по несчастью. Но тишины уже нет, сломалась тишина, сзади не умолкает автоматный треск, слышится тонкий, истерически пронзительный свист, похожий на птичий, – только птички эти весят девять граммов и сделаны из свинца.

Никогда раньше не приходилось мне бежать по ночному полю, оскальзываясь на лезущих под ноги кочках, путаясь в усохшем, но все еще цепком и плотном бурьяне, загребая ботинками из глубоких луж. Брюки мои вымокли по колено, хоть выжимай, колотье в боку с каждой секундой становилось сильнее, боль впивалась в потроха жадным, злым язычком огня, а в голове стоял серый безнадежный туман.

Ни страха, ни надежды, ни досады – лишь монотонный, одуряющий ритм, бесконечное мельтешение синих кругов перед глазами, а вокруг – сухой треск очередей, и все меньше фигур впереди, равнодушное лунное око озирает застывшие среди мертвой травы темные пятна. А я все бегу, хотя давно уже пора словить свинцовую птичку, растянуться таким же нелепым пятном на холодной осенней земле... Ночь в тоскливом октябре... да, вот как оно на самом деле...

А потом – сумасшедшая, такой не бывает, не должно быть! – боль в правой ступне, точно над ней сомкнулись железные челюсти, и опрокидывается щербатый горизонт, лун-

ный шар скачет через все небо, и острые стебельки колют шею, а в ушах плещется ледяная вода. Плещется – и затягивает небо, луну, всё...

Остается один лишь звон. То ли комариный, то ли оборвалась гитарная струна...

Часть первая. В железных зубах

1

День был удачным. Во-первых, изрядно потеплело. Еще со вчерашнего вечера заволокло горизонт свинцово-серыми тучами, метель плясала, свистела и выкидывала коленца, а к утру незаметно сменилась мелким, промозглым дождичком. Само по себе – тоже не сахар, но с прежним морозом не сравнить. Нога ноет, зато хоть на улицу сунуться можно без риска превратиться в ледяной столб.

А во-вторых, я нашел золотую россыпь. Ну, положим, не совсем золотую – стеклянную. Никогда раньше не замечал этой забегаловки. Вроде кабак как кабак, ничего особенного, а вот концентрация тары вблизи – выше всякой статистики.

И, что самое интересное, об этом Эльдorado еще не пронюхали вездесущие местные бабушки. Счастлив мой Бог, иначе бы не уйти мне оттуда. Стая разъяренных бабок пострашнее и ментов, и рыжего Коляна со свитой. Те еще могут ограничиться понтами, но бабушки – никогда. Они борются за жизнь в полном соответствии с теорией Дарвина. Не угрожают и не глумятся. Они бьют – с обреченной беспощадностью. Или с беспощадной обреченностью. Хуже бабок, пожалуй, разве что стая бродячих псов, особенно если вожак у них из благородных, овчар какой-нибудь или бультерьер, и обуревают его высокое, почти человеческое чувство – месть. Мечь жестокому людскому роду, вышвыривающему своих мохнатых друзей на помойку.

Я неплохо понимал этих умных зверей – и старался держаться от них подальше. Пока проносило, а вот Маню-Варежку на той неделе погрызли. Изрядно погрызли – по-хорошему надо бы в больницу, только кто ж ее без документов оформит? Отлежалась в подвале – и ничего. На улицу, правда, пока не выходит...

...В итоге неплохо сегодня наварился. Бедная Лиза, приемщица стеклотары, пребывала в мажорном настроении и потому даже не забраковала две бутылки с треснувшими горлышками. Расплатилась щедро, почти по номиналу. Теперь я богач. Даже отстегнув положенную долю Рыжему Коляну, даже сунув пару червонцев доходяге Шкертику, положу в нагрудный полотняный мешочек четыре червонца. Только вот не зря ли эти мои потуги? Вырвусь ли когда-нибудь из этого загаженного Мухинска? Кто я теперь, если вдуматься? Не более чем муха в паутине.

...Солнце давно уже уползло за далекие крыши Промзоны, и лимонно-розовое марево на западе готово было раствориться в синих чернилах наступающей тьмы. Тонким острым лезвием нависал надо мной молодой лунный серп, и вспоминался отчего-то «Колодец и маятник» Эдгара По. Я и впрямь ощущал себя беспомощной, привязанной к скамье жертвой, и шныряли вокруг наглые серые крысы, сверлили меня темными бусинками глаз, а огромное стальное острие с каждым взмахом становилось все ближе и ближе.

А к вечеру все же похолодало. Пока еще терпимо, но если процесс пойдет развиваться, драное пальто, наследство дяди Коржика, меня не спасет. Тогда и носу из подвала не высунуть. А значит, в долгий ящик отправляется вожделенный билет, да и попросту оголодаю. Конечно, кое-кто из наших, подвальных, поделится. Люди всюду есть, пропасть не дадут.

Только вот стыдно объедать ту же Маню-Варежку. Стыдно получать кусок, который мог бы пойти ей... Или Севке, недавно прибившемуся к нашей стае пацаненку. Ребенка же лечить надо, и срочно, но куда там... Вместо белого потолка клиники – грязный подвал,

тучи злобного комарья, засилье тараканов... И все равно, если судить беспристрастно, для мальчишки это лучше, чем так называемый родной дом.

...Парализованная бабка и проспиртованная особь, которую язык не поворачивается назвать матерью. Синяки по всему телу – и дистрофия первой степени. Смешно сказать, он у нас в подвале отъелся как следует. Маня-Варежка над ним шефствует, проявляет лучшую часть своей натуры. Худшую проявит, когда сможет выбираться на улицу, да и потеплеет. Я тоже пообщался с Севкой. Да... Умственное развитие оставляет желать... Какой там пятый класс, в коем, согласно бумагам, он обучается! Там и первого-то не наберется. Едва читает, счет в пределах десятка... «А на фига мне», – тихо бурчит, не поднимая глаз. В общем-то, он прав.

Помочь ему нечем. Ну, посуется образовательное начальство, засунет пацана в интернат для слабоумных. И толку? Либо сбежит оттуда через месяц, либо окончательно спятит... Смешно сказать, но возникла у меня мысль о «Струне». Глядишь, и был бы толк. Но я вовремя выкинул ее из головы. Слишком уж явственно помнил холодное лунное поле и чириканье свинцовых птичек...

...Ну, остается надеяться, что морозы не окажутся чересчур жесткими. В пределах возможностей пальто. Хороший был мужик дядя Коржик! Собственно, он-то меня в подвал и притащил, и опекал всячески, и даже с рыжим Коляном потолковал, чтобы тот хоть поначалу расценки для меня скостил. «Ты же видишь, – простуженно гудел он, раскуривая „Беломорину“, – интеллигент наш Костик, весь как есть гнилой и к жизни неприспособленный. Ему учиться еще и учиться. Так что с паршивой овцы... А то еще по дури чего сотворит – и тебе без пользы, и нам хлопоты».

Да, умен был дядя Коржик! Еще бы пил меньше... А так – до пятидесяти не-дотянул. Плохо помер, в одиночестве... Его только на второй день наши отыскивали. Делили вещи потом, конечно. Да там и вещей-то... смех один. Но вот пальто мне досталось. И даром что замызганное, а оказалось впору. Габаритами мы с дядей Коржиком сходились.

Что ж, теперь придется начинать по новой. Жалеть себя – последнее дело. Ну, пускай полгода пройдет, – но наберу я в конце концов на этот вожаемый билет. И прямиком – в Северск-Дальний. Интересно, узнает ли меня Леха? Давно мы не переписывались. Но как бы там ни было – поможет. А там, в тихом сибирском городке, вполне можно жить. Какая-никакая работа найдется... особенно если выправить новые документы. А у Лехи как раз тесть в тамошней милиции служит... если еще не на пенсии, конечно. Глядишь и по специальности устроюсь, там же наверняка дикая нехватка учителей. Как, впрочем, и везде.

В принципе ничто мне не мешало написать Лехе хоть прямо сейчас. Но что-то удерживало меня от этого. Правду все равно в письме не стоит излагать. Конечно, вероятность лишних глаз минимальна... И все-таки... Не хотел я подставлять Леху, пускай и с вероятностью ноль целых ноль десятых. Подписаться-то на конверте в любом случае нельзя – вроде как новое почтовое оборудование сканирует адреса и подписи... Для облегчения сортировки и надежности доставки. А сие означает, что в некой базе данных вполне может оказаться моя фамилия. И все, этого достаточно. Хакеры в «Струне», надо полагать, высшего класса, наверняка содержимое почтовых баз отслеживают. А ведь они не успокоятся, пока меня не отыщут... Дедушка с бабушкой гонятся за Колобком...

...Как-то незаметно исчезли всякие признаки заката, небо блестело ломкими льдинками звезд, и им не мешал ни юный месяц, ни редкий свет городских фонарей. Все-таки Мухинск – глухая дыра. Несмотря на полумиллионное население, по сути – он большая деревня. Заводы стоят, дымом атмосферу не портят. И расстилается над головой иссиня-черная пустыня, перечеркнутая размытой полосой Млечного Пути. В Столице такого не увидишь.

Мне не хотелось возвращаться в подвал. Ну чего я там не видел? Вонь, испарения давно не мытых тел, пьяные, с надрывом, песни вперемешку с руганью. Бесконечные разговоры об одном и том же, сто раз пережеванные исповеди и обиды... Почему бы мне просто не погулять? Без всякой цели, забыв о суете, забыв о больной ноге и лунном поле? Погулять, будто время сделало петлю, прыгнуло назад на целый год. Погулять, как мы гуляли с Лариской... Пускай и без Лариски.

А до Нового года меньше недели осталось... Может, рискнуть, открытку ей выслать? Без подписи, с одними лишь словами: «Жив. Люблю. Надеюсь». По почерку она все поймет. Увы, нельзя. Знаю я Лариску, в себе не удержит, поделится с моими... А там – пойдет клубочек мотаться по ниточкам...

...Странно: мне казалось, что Мухинск я изучил уже вдоль и поперек, но сейчас, ото-рвавшись от привычного потока мыслей, я вдруг понял, что этих мест не знаю. Какие-то глухие длиннющие заборы, огромные одноэтажные строения без окон – наверняка склады. Слева, плохо различимая в темноте, раскинулась брошенная стройка. Опять, наверное, финансы у города накрылись.

Прямо по курсу – помойка. Толпились, чуть ли не наезжая друг на друга, железные контейнеры. Их было множество, но мусору все равно не хватало места, и недавно выпавший, не успевший еще потерять белизну снег был усеян битым стеклом, картофельными очистками, рванными газетами...

Мимо проскользнула кошка, решительно устремилась к контейнерам. Может, та самая, рыжая, что уже встречалась мне сегодня, но в темноте, как известно, все они серы. Тем более фонарей тут – раз-два и обчелся, и главную подсветку давал все тот же юный месяц. Почему-то здесь он заметно ярче, чем дома. Представляю, что творится в полнолуние!

И еще, в отличие от столицы, стояла невозможная, абсолютная тишина. Ни лязга трам-ваев, ни гудков машин, ни льющейся из окон музыки... Первобытное безмолвие, точь-в-точь как на лунном поле. Лунное поле... Я попытался выбросить его из головы, но не смог. В безмолвном воздухе, как и тогда, дрожала невидимыми нитями тревога. Еще несколько минут назад все было иначе. А потом что-то вдруг поломалось, и тишина начала набухать, наполняться темной, готовой взорваться тяжестью.

И взорвалось.

В первую секунду я даже и не понял, что это крик. Но потом ударило по мозгам – детский отчаянный вопль, почти визг, наполненный болью и ужасом.

Проклятая нога! Неловко загребая снег, я бежал к черным – куда чернее неба – руинам стройки и матерился на бегу. Ни раньше, ни позже – именно сейчас горячо и весело выплеснулась боль, почти такая же, как и в ту октябрьскую ночь.

Спасительная боль.

Однако железные челюсти работали не в полную силу – я вполне мог бежать, хоть и стреляло при каждом скачке острыми вспышками, отдавалось в мозг.

Крик не утихал, он то прерывался, то вновь оглашал окрестности, но, ясное дело, никого здесь не нашлось, кроме меня – случайного гуляющего идиота.

А идиоту опять зачем-то приспичило искать приключений на свою битую задницу. А тут еще стройка... Не загромоздить бы, не добравшись до цели.

Так... Вот и добежал все-таки. Два силуэта на почти черном снегу, меж двух штабелей огромных стальных балок. Большой силуэт и маленький.

Мужчина в короткой, но плотной куртке, вязаной шапочке. Тащит куда-то в глубь стройки, в беспорядочные джунгли бетонных плит извивающуюся детскую фигурку. Я даже и не понял, мальчик то был или девочка.

– Пусти-и-те меня! Пу-у-стите! – захлебывался плачем ребенок.

Так... Ситуация не оставляла вариантов и полностью подтверждала слухи, циркулирующие по городу вот уже с месяц.

– Притормози, мужик! – негромко, но отчетливо выдохнул я морозный воздух. Отчетливо несло помоечной гнилью.

Мужчина дернулся и мгновенно подобрался. Косой, брошенный исподлобья взгляд. Не выпуская ребенка, он быстро завел его за спину и процедил:

– Гуляй, дядя. У нас тут свои... разборочки.

– Твой, что ли, пацан? – поинтересовался я, подходя вплотную.

– Да блин, бумажник у меня вынул, гаденыш! – сейчас мужик держался уже уверенней. Тем более мой затрапезный вид явно не внушал ему опасений. – Едва догнал. В ментовку вон волоку... Так что не боись, все путем.

Ну-ну, баранки гну. Шито не то что белыми нитками – пеньковыми канатами. Даже подзаборного алканавта отфутболить – и то не катит.

– Всякое, знаешь ли, бывает, мужик, – отозвался я. – Может, и путем, а может, и не путем. Или не тем путем. А потому давай-ка втроем до отделения прогуляемся, там и разьясим... Да и тебе все одно легче, подмогну тащить, ежели что...

Ничего более глупого я родить не мог. Беспаспортный бродяга намеревается разбиться в мусарне с приличного вида господином, у коего документы, надо полагать, в идеальном порядке. После чего бродяга помещается в обезьянник с последующей перспективой отправиться в приемник-распределитель. Дубинки подразумеваются.

Но прав был Коржик, гнилой я интеллигент, настоящей жизни не нюхавший. Нет чтобы сразу влепить дяде по загривку – зачем-то разговоры завел.

– Ты не понял, козел? – ощерился мужик. В лунном свете блеснули металлические зубы. Так-так...

Пацаненок за его спиной судорожно всхлипывал – видно, ему уже не хватало дыхания на крик. Все, кончилось время слов.

Я схватил мужика за руку. Вернее, попытался схватить. Со змеиной ловкостью тот увернулся, отступил назад. Миг – и левой рукой он держит за горло мальчишку, загораживаясь им, а в правой – в правой у него скалится нож. Лезвием почти упирается пацану в бок.

– Тебе же сказали, козел, – гуляй, – хмуро бросил мужик. – И мальчик целее будет, и ты...

Никогда я не увлекался модными ныне восточными единоборствами. Единственные мои козыри – это рост и вес, но я понимал, как мало они сейчас значат. Мужик был хоть и меньше меня габаритами, но жилистый и явно не «чайник». Достаточно взглянуть, как он держал нож. Короткий клинок не оставался неподвижным, нет. Он прямо-таки плясал в цепких пальцах, вычерчивая сложные фигуры... Приходилось мне слышать о таком.

И чего теперь делать? Прыгать нельзя, загубишь ребенка... Напугать? Чем же эту тварь напугаешь? Ну помогите же хоть кто-нибудь! Ну неужели действительно *там* нет никого, кроме математически строго очерченного лунного серпа? Внешняя дуга – окружность, внутренняя – эллипс.

– Слышь, дядя, а куда направлены ветви параболы с положительным дискриминантом?

– А? – зрачки мужика метнулись, и я получил необходимую секунду. Падая... блин, на больную-то ногу! – я все же сумел другой ногой врезать ему под коленную чашечку, и тут же, дико боясь потерять темп, обеими руками вцепился в сжимавшую нож кисть, резко повернул... Все-таки силой меня природа не обидела. Послышался отчетливый хруст, и крик, в котором боль и досада слились в единую смесь. Гремучую.

Все трое мы загремели на стоптанный снег, пацан оказался под нами. «Задавим», – подумал я, но он точно уженок выскользнул из-под моей туши и метнулся куда-то в глубь штабелей. А мы с врагом катались по земле, то и дело ударяясь об острые края балок и

грязно матерясь. Да, по весу я превосходил его изрядно, но тренированности ему было не занимать. Рука его, к несчастью, оказалась всего лишь вывихнута, и сейчас он примерялся к моему горлу. Вдобавок я пропустил удар коленом между ног и, взыв от одуряющей боли, потерял пару секунд, которых мужику хватило, чтобы, оказавшись на мне сверху, что есть силы надавить на сонную артерию.

«Блин, неужели на этот раз действительно все», – промелькнула неожиданно сухая, лишенная эмоций мысль. Выходит, не лунное поле, а черный снег... Снег, набившийся мне за шиворот и растекающийся холодными струйками по телу. Снег, заморозивший мозги, изгнавший из меня человека и превративший в агонизирующее животное.

А животное и действовало свойственным ему образом. Миг – и зубы мои вцепились врагу в нос, судорожно, отчаянно сжались – и сейчас же горячая чужая кровь наполнила мой рот, и я захлебнулся ею, забулькал, но не разжимал зубов, и отовсюду – и снаружи, и изнутри головы не прекращался крик.

А потом вдруг все кончилось. Слепящий свет армейского фонаря, заскользившие повсюду быстрые гибкие тени, и вот уже сильные руки поднимают меня, ставят на ноги. Все пляшет и кривится перед глазами, лунный серп то взмывает в небо, то наискось рубит землю казацкой шашкой, а где-то далеко-далеко, в двух шагах, корчится, расплывается на сером снегу черное пятно – поверженный враг, и тени весело лупят его ботинками под ребра.

Откуда-то слева вывернулся мальчишка. Тонкий, восторженный голос:

– А вот его ножик, я сразу подобрал. А можно я его себе оставлю?

И только сейчас я узнал этот голос. Севка. Битый-ломаный шакаленок Севка из нашего подвала...

Но подумать на сей счет я уже ничего не успел. Земля плавно вывернулась у меня из-под ног, перед глазами все подернулось переливающимся серым дрожанием, а дальше не было ничего, кроме совершенно невозможной звездной музыки.

Но я ее не запомнил

2

– Ну что, маленько оклемался? – выдернул меня из бесцветной пустоты незнакомый голос. Молодой, уверенный, в нем так и искрилась энергия.

Мне ничего не оставалось, как разлепить глаза. Контраст и впрямь впечатлял. Вместо грязного снега и заброшенной стройки – уютная чистая комната, белый потолок, накрахмаленная простыня... Неяркий свет сочится из бронзового, под старину, настенного бра, обои цвета морской волны, испещренные парусными корабликами, по дальней стене тянутся книжные полки... Это, случаем, не тот свет? Хотя сомнительно. Больше похоже на глюк.

– Ну, ты как вообще? – вновь раздалось над ухом.

Теперь я видел вопрошавшего. Им оказался молодой, вряд ли многим за двадцать, парень. Худощавый, с вытянутым, слегка треугольным лицом, внимательными серыми глазами и густой, цвета намокшей соломы шевелюрой. Одет он был по-домашнему: футболка под цвет обоев подчеркивает мускулистые загорелые руки, спортивные брюки изрядно помяты, в довершение картины – мохнатые тапочки. А все-таки на квартиру непохоже – кроме дивана подо мной да пары стульев, тут ничего и нет.

– Да, вроде, в порядке, – глупо улыбаясь, протянул я неожиданно хриплым голосом. – Вроде, цел.

Да так оно, в общем, и было. Разве что слегка гудело в голове. Похоже, память о ночной стройке.

Стройка... Все нахлынуло опять – хищный оскал клинка, лунный блеск на стальных зубах и одуряюще соленый вкус чужой крови...

– Тут тебя наша медицина посмотрела, – сказал парень, оседлав один из стульев. – И где ж ты, дядя, так ногу повредил? Травма-то, похоже, давняя...

– Вывихнул... месяца два назад, – честно признался я, принимая полусидячее положение. Теперь надо быть внимательным и осторожным. Если, конечно, мои догадки верны. Впрочем, в любом случае дозированная правда – наилучший способ лжи. – От милиции удирал... – добавил я после недолгой паузы.

– Ну, понятно... – протянул парень. – Жизнь, значит, бурная. Да ты расслабься, неприятности позади. Теперь все нормально будет.

В последнем я несколько сомневался. Если, конечно, правильно сложил одно с другим.

– Меня, кстати, Женей звать, – дружелюбно представился мой собеседник.

– Костя, – кивнул я в ответ. Лучше уж назваться родным именем. Слава богу, не особо редкое. Зато меньше риска лопухнуться впоследствии.

– Давно бомжуешь-то, Костя? – поинтересовался Женя деланно сухим тоном.

– С августа. – Я вздохнул. Пришло время заранее заготовленной легенды.

– А что так?

– Да, в общем-то, обычная история. Я сам из Дальнегорска. Беженец. Ну, какие там дела творятся, объяснять не буду, это общеизвестно. Вот и у меня... Жена была и дочка... – Я помолчал. – Словом, всех... Никого не осталось. Миротворческая миссия, блин... Что такое установка «Смерч» знаешь? Был дом – и нет дома. И всех... в ошметки... А я как раз с работы шел... Задержался на полчаса, доделать там надо было одну фичу... Ну вот... Лучше бы не опаздывать. Чтоб уж со своими...

Я старательно и замысловато выругался... Пригодилась подвальная выучка.

История была почти реальная. За исключением фамилии главного героя. Костик Ковылев. Мой однокурсник. Перезванивались, в командировки он ездил, у нас останавливался. И вот в вечерних новостях объявили: очередной раз неопознанным террористическим формированием обстреляны жилые кварталы Дальнегорска. Среди населения имеются жертвы.

Министр внутренних дел заверяет, что будут предприняты самые решительные меры... А потом – телефонные трели в полседьмого утра, серый туман за окном, и я, заспанный, нащупываю тапочки. И еще не взяв трубку, уже чувствую холод...

Прости, тезка. Видишь, как обернулось. Я, живой, прикрываюсь тобой, мертвым. Одолжи мне свою жизнь, Костян. Может статься, ненадолго.

– Ты... это... – подался вперед Женя. – Не надо... Я сейчас воды! – метнулся он к двери. – Или, может, чего покрепче?

– Да сядь, не суетись! – вяло махнул я рукой. – Мне уж сто раз про это рассказывать приходилось, ничего... привык... А насчет покрепче – ни в коем случае, Женя. Не стоит. Боюсь с нарезки сорваться... Тогда уж все, не подымешься...

Я и тут не врал. Еще в подвале решительно перевел себя на сухой закон. Не из высокоморальных соображений – по трезвому расчету. С моими коллегами по несчастью только так и нужно. Непьющего чудика они еще способны воспринять адекватно, но вот того, кто употребляет мало и лишь под настроение, господу божьему не потерпели бы. Сочли бы себя смертельно оскорбленными. А ужираться в их меру – значило бы просадить все доходы. Тогда из Мухинска уже не вырваться. И вряд ли такая судьба лучше, чем застыть кляксой на лунном поле.

– Принципы уважаю! – кивнул Женя и вновь уселся напротив меня. – А ты кем работал, Костя?

– Да считай, что программистом. Институт я педагогический кончил, только ведь этим сейчас не прожить, тем более в наших краях. По полгода без зарплаты люди сидят, да и не зарплата это совсем... А когда у тебя семья... Ну, сориентировался, освоил комп. Всякие торговые базы данных писал. Находились клиенты...

Здесь было тонкое место. Если ребята посадят меня за клавиатуру... Ну, на «кречете» или «вольфе» еще чего-нибудь сваяю продуктоподобное, а вот в современных технологиях я полный «чайник».

– Оно и видно, – утвердительно кивнул Женя. – Интеллигентность не скроешь, она под любыми лохмотьями чувствуется.

– Увы, – не стал спорить я. – Потому и гоняли меня, что ни просить, ни воровать не умею.

– И как же ты дальше? После того... обстрела?

– Да как-то завертелось всё... Там делать мне было уже нечего, решил перебираться на историческую родину, в Федерацию. У меня же дед в пятьдесят пятом в Дальнегорск попал по распределению, там и осел. А так – корни отсюда. К дядьке я думал податься, в Сибирь. Дядька-то хоть и троюродный, но все же родной человек, как-нибудь да посодействовал бы. Правда, мы давно не общались, но человек он душевный, дядя Саша... Ты, Женя, сам посмотри – у меня с собой только паспорт в кармане да денег двадцать рублей... Все же сгорело тогда... С моими вместе... Тыркнулся по инстанциям, только ты ж понимаешь, до нас, таких, дела никому нет... Погоняли из кабинета в кабинет, а я же не слепой, вижу – толку ноль. Спасение утопающих известно чьих рук дело. В общем, плюнул я на инстанции и решил своим ходом до дядьки добираться.

Я благоразумно не стал уточнять, что Костин дядя, Александр Васильевич, уже пару лет как скончался. Цирроз печени. Вы проверяйте, ребята, проверяйте, отработывайте версию. Обломитесь. Очень даже просто Костя Ковылев мог не знать о дядиной смерти.

– Ну, а дальше все перемешалось. То электричками добирался, а то на товарняках, если получалось... Вот и доездили. Ребро мне поломали, станционная милиция. Я по дурости в вагоне уснул... Ребро-то ладно, а ведь могли и нераскрытые дела на меня скинуть. Как это у них называется – «висяки»? Не в моем бомжовом облики за адвоката хвататься. Ну,

Господь не выдал, свинья не съела. Все-таки удалось мне удрать, только без паспорта уже. Тогда и ногу повредил, ну да нога – не голова.

Здесь я был спокоен – даже если заставят вспомнить, что была за станция, то без толку интересоваться моим паспортом. Ясное ж дело – никто на пьяного бродягу протокола там не составлял, и куда делся его паспорт, да и был ли он, выяснять без толку.

– Так вот и очутился здесь, в Мухинске, – ухмыльнулся я. – Поймал меня ваш городишко, как в паутину. Сейчас-то еще ладно, а в первые дни ходить не мог, ступню разнесло. Спасибо одному доброму человеку – увидел меня, приволок в подвал... И кормил, и даже чем-то ногу смазывал. А сам через месяц помер. Пальто, что на мне было, – его наследство.

Я обеспокоенно заозирался. В самом деле, где основной предмет моего гардероба?

– Да ты не дергайся, Костя. Мир праху твоего пальто, – Женя хлопнул себя по коленке. – Мы над твоими шмотками сразу аутодафе учинили. Такой там зверинец – и клопы, и блохи. Я уж про вшей молчу. Это, можно сказать, была константа твоего бытия. Которая, к счастью, не определяла сознание. Ничего, пока ты спал, устроили мы тебе санобработку по полной программе. Ты вообще о мелочах не суетись. «К прошлому возврата больше нет!» – пропел он, немилосердно фальшивя.

– Слушай, а вообще – это что? Это где? – пришла мне пора удивляться и крутить головой. Чем дальше, тем больше укреплялся я в своей догадке, но тем опаснее было это про-
явить.

– А ты вообще помнишь, что вчера было? – озадачил меня Женя встречным вопросом.

– Вчера?

– А то ж, – Женя вновь засмеялся, – ты же чуть ли не сутки проспал. Сперва потеря сознания, потом медицина тебе пару кубиков вкатила в мягкое... Ну как, ход событий помнишь?

– Да вроде, – не спеша кивнул я. – Под вечер бродил по городу. Погулять, понимаешь, захотелось. День удачный был, человеком себя почуял... и как-то не захотелось мне в подвал, миазмы вдыхать, забрел сам не знаю куда – склады какие-то, промзоны...

– Лирическое, значит, настроение, – понимающе кивнул мой собеседник. – Дело знакомое. И что же дальше было?

– Ну вот, дышу я воздухом, звездами любуюсь, от ближайшей свалки воняет омерзительно – и вдруг крик! Детский. Со стороны стройки. Ну, думаю, что за дела? Разворачиваюсь на девяносто градусов – и туда. Время-то отнюдь не детское, да и место такое... мало-располагающее. Прибегаю. Вижу – некий хмырь тащит куда-то мальчишку. Маленького, как мне показалось, лет восьми-деяти. Тот, разумеется, вопит благим матом. Картина совершенно понятная, да и разговоры по городу давно уже ходят – там мальчик пропал, здесь не вернулся... Вроде как монстр завелся... В народе его, кстати, так и прозвали – Железнодорожный. По характерному оскалу. Может, кто из детишек вывернулся и приятелям рассказал?

В общем, надо чего-то делать, а я же ничего не умею, ты не смотри, что я большой и тяжелый. Спортом никогда толком не занимался, да и от армии откосил в свое время. Сейчас-то понимаю: сразу нужно было хватать ребенка и валить оттуда, а я зачем-то разговор сперва затеял. Так он пацаном прикрылся и на ноже держал. Туда бы спецназовца... а я... Ну а дальше толком и не помню. Как-то само все получилось. Сцепились. Главное, пацан ускакал, а мы – с переменным успехом. Под конец я ему нос чуть не отгрыз, а дальше уже люди подросли. Я так и не понял, кто, откуда... На омовцев вроде не похожи... Но растащили нас, Железнодорожного, вроде, ногами обрабатывали... А дальше ничего не помню, все оборвалось.

– Ну что ж, – кивнул Женя. – Вполне адекватно. А вот скажи, зачем ты туда полез? В смысле, на урода этого?

– То есть как зачем? – у меня вполне искренне отвисла челюсть.

– Сам посуди, – Женя прищелкнул пальцами, – ты же рисковал, и круто рисковал. Железнодорожный этот, кстати, когда-то как раз спецназовцем в свое время и служил. И замочить тебя мог с высокой вероятностью. И ты, думаю, хотя бы частично это просек. Он же тебе, наверное, отвалить предлагал?

– Ну, – согласился я. – Предлагал. А как ты это, Женя, представляешь – оставить ему ребенка на растерзание? А жить потом как? И зачем?

– Все с тобой ясно, Константин Антоныч, – подытожил Женя. – Ты не удивляйся, я, можно сказать, приколотся. Ну, интересно мне было, как ты сам сформулируешь.

– Приколист из тебя... – проворчал я, комкая край одеяла. – Ты лучше скажи, чем дальше кончилось. Взяли Железнодорожного?

– Да куда ж оно с подводной лодки денется? – недоуменно протянул Женя. – Оно сидит сейчас. Точнее, по полу ползает. В боксе номер семнадцать.

Теперь уже сомнений у меня не оставалось. Никакой мент или капээнщик в такие откровенности не пустился б. Кстати, откуда ему известно мое «легендарное» отчество? Я же пока не назвал.

– Да, а самое главное! – обеспокоился я. – С пацаном-то все в порядке?

– А-а-а! – в голос захохотал Женя, – чего этому чертенку сделается... Севка! – крикнул он в мелкую черную кругляшку, более всего похожую на мыльницу: – Подь сюды!

А я и не заметил, откуда он мобильник извлек. Хотя на мобильник не слишком похоже. Или у них тут спецмодели какие-то?

Дверь распахнулась, и в комнату влетел мой давний знакомец, Севка.

Только теперь его было не узнать. Румяный, тщательно отмытый, в такой же, как у Жени, ультрамариновой футболке и наглаженных шортиках. И даже вполне причесанный...

– Здорово, дядь Женя, здорово, дядь Кость! – завопил он с порога. – А я в «Контре» только что по третьему разу всех тероров завалил! – сообщил он, поблескивая шкодливыми глазенками. – Между прочим, ты так не умеешь. – А как ваша нога, дядь Кость? – повернулся мальчишка ко мне. – Вы не бойтесь, у нас тут знаете какие хорошие доктора! Они вас быстро починят!

Ну что ж, и этого следовало ожидать. Все укладывается в рамки того, что доводилось мне об этом слышать.

– Скажи-ка мне, Севка, одну лишь вещь, – я попытался изобразить максимально строгий, скрипучий тон. – Какова площадь прямоугольника со сторонами $\frac{2}{3}$ и $\frac{3}{4}$ метра?

– Половина квадратного метра, – не моргнув глазом, выдал пацан. – А что?

– Просто, помнится, в подвале ты и таблицы умножения не знал. А тут такой прогресс. Это на тебя так санобработка повлияла?

– А то ж! – прыснул Женя. – Мы с него грязь напильником отдирали. С крупной насечкой.

– И ничего не напильником! – обиделся Севка. – А всего лишь мочалкой. Колочей... – честно добавил он, помолчав.

Что ж, настало время расстановки последних точек.

– Слушайте, ребята, – протянул я недоумевающим тоном. – Все это, конечно, здорово и весело, но скажут ли мне когда-нибудь, куда я попал?

– А он еще не знает? – весело кивнул на меня Севка. – Ты еще не говорил?

– Да как-то не успел, – развел руками Женя, поднимаясь со стула. – Ты в хорошее место попал, Константин Антоныч. Федеральный фонд защиты прав несовершеннолетних. Проще говоря – «Струна». Доводилось слышать такое слово?

Я молча кивнул.

Доводилось. Ох как доводилось...

3

В Мраморном зале уместны были бы факелы. Настоящие, средневековые, в ржавых кольцах... И солома на полу, для вящего эффекта. И стражники в нишах.

На самом деле зал освещали укрепленные вдоль стен люминесцентные лампы и никаких ниш не наблюдалось – видимо, архитектор не питал страсти к исторической атрибутике. Роль стражников успешно играли крепкого сложения молодые люди в ультрамариновых куртках. На первый взгляд, оружия у них не было, но мне уже хватило поводов убедиться – с этими ребятами лучше не шутить. Жаль, не сразу, дурак, это понял.

Зал не зря звался Мраморным. Его высокие, в три человеческих роста стены были облицованы черным, в мутно-зеленых прожилках мрамором, местами – зеленым, в чернильных разводах. Под стать стенам гляделся пол и – все та же черно-зеленая плоскость, расчерченная узкими стальными полосами на метровые квадраты.

В центре, под самым потолком, что-то равномерно двигалось. То ли старинные ходики, то ли чудной конструкции вентилятор. Но, приглядевшись, я понял: это метроном, зачем-то опрокинутый вниз, острием к шахматной плоскости пола.

Размеры зала подавляли. Тут не то что в футбол – зерновые культуры можно сажать. А бесконечные квадраты, сходящиеся к трудноразличимым стыкам стен, лишь усиливали впечатление. Вдобавок не наблюдалось дверей. Все четыре стены – ровные и гладкие. Интересно, как же меня сюда привели?

Ну, это наверняка самое простое. Точная механика пополам с электроникой. В нужный момент часть стены отъезжает в сторону...

А еще здесь казалось пусто и безлюдно – хотя люди имелись, даже не считая замерших манекенами охранников. В противоположном конце зала, на невысокой кафедре, расположился длинный, покрытый черным бархатом стол. За столом сидело семеро.

Почему-то я никак не мог увидеть их лиц – сколько ни всматривался. Хотя эти, в отличие от моих дознавателей, не скрывались под матерчатыми масками, мне никак не удавалось зацепиться за них взглядом – то и дело в поле зрения оказывалась почему-то или синевато-розовая трубка лампы, или идеально ровные края мраморных квадратов, или дурацкая пирамида метронома. Слово некое колдовство отводило мне глаза.

Сам я пребывал в центре зала. Ерзал на низенькой скамеечке все из того же унылого мрамора. Скамеечка вырастала прямо из пола, словно аппендикс необъятного чудовища, холодная и неудобная.

Впрочем, я не слишком долго изучал окрестности.

Минута-другая – и возникла Музыка. Из неоткуда, из плотного, пружинящего воздуха. Сперва я даже не понял, что случилось, – но вздрогнуло пустое пространство, поплыли мраморные стены, и тягучая, грустная мелодия заполнила все. Низкая, на пределе слышимости, она тем не менее заглушила все прочие звуки – и размеренный стук метронома, и дыхание людей в ультрамарине, и бешеные скачки моего собственного сердца. Сразу потеряли значение и страхи, и надежды, и назойливая пляска мыслей, и перечеркнутое прошлое, и зависшее в воздухе будущее. Невыразимо печальная музыка утешала неведомое горе, растворяла бесполезные теперь радости, подводила итог и звала, звала в дымную, клубящуюся пустоту.

Краем глаза я видел, как вытянулись семеро за столом – точно готовые прозвенеть гитарные струны, как замерли ультрамариновые, жадно впитывая льющуюся на нас *Силу*. Иначе и не скажешь – разве объяснить такое хитрыми законами акустики?

Сколько прошло времени, я так и не понял. Может, минута, может, час. А потом все схлынуло – так же внезапно, как и началось. Неслышно выдохнуло пространство, превраща-

ясь в обычную, пронизанную холодным воздухом трехмерность. Обмякли и расслабились фигуры вдоль стен, вновь послышался скучный стук метронома...

– Высокая Струна сказала свое слово! – послышался негромкий, чуточку усталый голос.

Один из тех, семерых, называвшихся Трибуналом.

– Мы вправе начать слушания по делу Константина Демидова, бывшего учителя, вступившего на Темную Дорогу. Проведены ли должные изыскания по сим обстоятельствам? – немного обождав, спросил говоривший. И вновь я глядел на них, семерых, но так и не мог понять, чей же голос я слышу.

– Проведены, Хранитель, и результаты их приобщены к делу.

Миг – и на черном бархате стола возникла пухлая зеленая папка. Наверняка декоративная, сами-то материалы хранятся в электронных мозгах компьютеров. Но тут, очевидно, следуют старому ритуалу, что довольно странно – впервые о «Струне» слухи возникли не столь уж давно, несколько лет назад. И все эти годы так и оставались слухами.

Я поначалу тоже не верил, даже получив «черный конверт». Посмеялся, смял бумажку в кулаке, выкинул в мусорное ведро. И, моментально забыв о грустном, набрал Ларискин номер. С улицы в открытые настежь окна несло тополиный пух, звенели во дворе детские крики, и весна почти уже превратилась в лето.

Это была уже почти и не весна. Просто май, как ему и положено, кружил головы и сводил с ума. К тому же выдался он в этом году неожиданно теплым и даже жарким. Я, к примеру, после утомительной череды праздников вышел на работу без пиджака. Слава богу, не старые времена, когда за такую вольность пришлось бы сражаться с любимой администрацией. Сейчас, на фоне демократии и невыданных зарплат, предания старины глубокой кажутся дичью. Глубочайшей. О воздействии внешнего вида учителя на нравственность юношества теперь предпочитают не заикаться. Зато цепляются к другому. Например, к тому, что опаздываешь на оперативки.

На возмущенные высказывания завучихи Тамары Михайловны можно было и наплевать. Если, конечно, плевать и дальше, – к примеру, на грядущую аттестацию. А та уже не за горами, точнехонько в сентябре ждет подарочек. Нас разделяет лишь узкая полоска лета. А двенадцатый разряд нужен мне как кровь из носу. Не из-за микроскопической прибавки в деньгах, но главным образом для солидности моей трудовой книжки. Потому что из здешнего 543-го гадюшника пора линять, это ясно и полудохлым рыбкам в кабинете биологии. Еще год отработаю, ну куда уж больше? Главное, есть определенные зацепки в гуманитарном колледже, но опять же требуется разряд...

А значит, придется сносить придирки Царицы Тамары. Дети ее обозвали совершенно правильно. Плюс к тому директриса Антонина, которая вечно всего боится, и страхи ее, изливаемые в окружающее пространство, еще гадостнее Тамариных воплей. А на закуску – баба Катя, престарелая гримза-математичка, председатель методобъединения. Самое печальное – она дура искренняя и самоотверженная. Она же по правде хочет помочь. Только вот не знаешь, куда от ее помощи деваться.

Короче говоря, к началу первого урока я был уже на взводе. Восьмой «Б» шумно втекал в душевные недра класса – поганцы-дежурные вчера, разумеется, не проветрили. Восьмому «Б» все было по фигуре – от алгебры-геометрии с ее полномочным представителем Константином Дмитриевичем до физкультуры и труда. В полном соответствии с теорией вероятности, здесь имела место флюктуация, собравшая вместе самых отъявленных сачков города.

Искать с ними контакт было бессмысленно, кроме жвачки и электронных игр, их ничего не трогало. Давить двойками и немереными домашними заданиями тоже оказалось без толку, на вопрос: «Что у вас, ребята, в дневниках?» – они, наморщив непривычные к

такому интеллектуальному усилию лбы, разве что интересовались в ответ: «А что такое дневники?» И невинно глядели стеклянными глазами. А также деревянными и оловянными, что, впрочем, здесь одно и то же.

– Ну, что у нас творится с домашним заданием? – хмуро спросил я, когда ученическая масса наконец уместилась за партами. – Вопросы есть?

Ответом мне было столь же хмурое молчание. В самом деле, зачем спрашивать, если и так все ясно: отдельные ботаны все решили, остальному народу – в лом.

– Ну, если у матросов нет вопросов, тогда пожалуйста к доске, – я кинул взгляд в журнал и поежился. – Ну, хотя бы вот вы, леди, – и кивнул пухленькой Леночке Башиловой. – У вас не закрыта двойка за прошлую контрольную, а конец года уже близок. Поэтому я вправе рассчитывать на ваш энтузиазм.

Ни на что я, понятное дело, не рассчитывал, но надо же дать девочке шанс. Хотя глядеть, как несчастное создание пытается упростить и без того примитивный многочлен, было мучительно. Задавая наводящие вопросы, я тем временем прошелся по рядам, изучил содержимое тетрадей, парочку конфисковал, дабы на досуге поглядеть основательнее.

– А левая скобка тебе ничего не напоминает? – намекнул я леди Башиловой. Та, тиская мел потными пальцами, глядела на меня так, будто я ей задолжал штуку баксов. – Смотри, икс в квадрате, игрек тоже, между ними – минус. Значит...

Ничего это для нее не значило. Годовую тройку ей обеспечит мама, в этом Леночка была совершенно уверена. С прежней учительницей, ушедшей в декрет Светлаковой, такие номера проходили. А что я конвертиков не беру, мама упорно не хотела понять в течение всего года.

Ну зачем навязали мне этот восьмой «Б»? Тем более в середине третьей четверти! Мало разве мне было моих семиклассников? Но Людочка Светлакова стремительно забеременела, образовалась брешь, Царица Тамара надавила – и вот, изучаю вопрос: может ли растение мыслить?

Хотя чего уж там? Все давно понятно. Пора ставить точку.

– Увы, леди. Ничем не могу вам помочь, – вздохнул я и потянулся к поблескивающему красной кожей журналу. – На дополнительные занятия вы не ходите, домашние задания не выполняете... Так что получайте заслуженную оценку.

– Какую? – на что-то еще надеясь, пропищала Леночка.

– Плохую. – Найдя нужную клетку, я посадил в нее синего лебедя, закрыв журнал. – И должен напомнить, что до конца года осталось две недели. Шансы на итоговую тройку у вас еще есть, но придется работать, как папе Карло.

– Буратину рожать? – хихикнули со второго ряда.

– Не смешно, – отозвался я. – Причем ситуация касается многих. У нас с вами осталось две контрольных, одна завершающая по теме «Решение квадратных неравенств», другая – годовая. Помимо этого – не забывайте о дополнительных по вторникам и пятницам, с трех часов. Как видите, возможность исправить положение пока еще есть. Вопрос в желании. Ладно, это лирика. А проза жизни заключается в повторении наших любимых неравенств. Для чего придется решить 752-й номер из учебника. А к доске мы пригласим...

Я сделал паузу, бросив взгляд на тетрадку с планами уроков. И остолбенел.

На столе, рядом с искомой тетрадкой, красовался лист бумаги формата А4, с картинкой, распечатанной на хорошем цветном струйнике. Летний пейзаж, голубое небо с облачками, подобными заставке Windows. А на их фоне – мы с Ларисой. В костюмах Адама и Евы. Причем то, что изображалось ниже пояса... От такого содрогнулись бы и Дали с Босхом.

Я молчал, тупо глядя в пакостную распечатку. Сволочи! Какие же сволочи!

Лариску они могли щелкнуть неделю назад, на майских праздниках, когда мы с ней вытащили этих дрисливых щенков в двухдневный поход. По крайней мере четверо воору-

жились «Полароидами», из тех, где не нужно ничего уметь – смотришь в окуляр, жмешь на кнопку – и из щели выползает мутная поначалу фотокарточка.

Дальнейшее тоже не нуждалось в комментариях. Сканер, надыбанные в сети порнографические фотки, затем коллаж средствами PhotoStudio 5.0. Далее струйный принтер с хорошим разрешением – и вот она, пакость.

В классе стало очень тихо. Даже воробьи за окном, и те примолкли. А может, мне показалось. Я видел сейчас лишь тридцать пар настороженных глаз, скрывающих рвущееся наружу злорадство.

– Та-а-к... – одеревеневшими губами протянул я. – Кто?..

Бессмысленный вопрос вырвался у меня механически. И улетел в ватную пустоту. Ответа и не предполагалось.

Они молча глядели на меня – все тридцать. А у меня в горле вырастал тяжелый холодный ком. Всякого я навидался от этих поганцев, но вот такой подлости... Сейчас я уже не брал в расчет, что негодяев-затейников максимум двое-трое, остальные – лишь зрители. Глаза застлало красной пеленой, стало очень трудно дышать.

И тут раздался смешок. Кто-то не удержался-таки и фыркнул в пространство.

Я вскинулся.

Вот он, прыщавый паршивец, Димка Соболев, хулиган из хулиганов. Вот он развалился на парте и ржет, не в силах сдержать позывы идиотского квакающего хохота. Темные, до плеч отращенные патлы колышутся в такт дергающимся плечам, в глазах бегают чертенята...

Я плохо помню, что случилось дальше. Кусочки целого напластовались друг на друга, точно апрельские льдины. А между ними – черные паузы, глухие провалы.

Вот я в два прыжка очутился возле его парты. Миг – и мои неумело сжатые в кулак пальцы пронзают плотный, наэлектризованный воздух, втыкаются в жесткую скулу. Раз, другой. Лохматая голова мотается на тонкой, плохо вымытой шее, точно шарик под ветром... И что-то темное, пахнущее железом, фонтаном льется из разбитого носа, стекает на пол, на светлые брюки... И моя рука в крови... в чужой...

Потом – провал. Кажется, я опираюсь обеими руками на крышку стола и у меня трясутся плечи... Рука задевает журнал – и расплывается бурое пятно, почти незаметное на его красной кожаной обложке. Вот Димкина изогнутая фигура в дверном проеме... Прижатые к лицу ладони. Истошный, срывающийся на петуха крик: «Ну все! Теперь я... Теперь вы у меня! Ну все...» Кто-то из девочек побежал за завучем. Кажется, я куда-то иду, механически переставляя ноги. Мне суют какую-то таблетку, зубы пляшут, соприкасаясь с краем граненого стакана. Перекошенное от ужаса лицо Царицы Тамары. «Вы... Вы соображаете... Что же теперь будет?..» Ей, впрочем, хватает ума понять, что сейчас со мной говорить бесполезно – и меня отпускают домой, несмотря на то, что сегодня мне осталось еще три урока. На них меня подменит Баба Катя. С поджатыми губами, глядя мимо меня, она выходит из учительской. Дальше понеслись совсем уж несуразные обрывки. Выходящий из медицинского кабинета Димка Соболев, брошенный на меня ненавидящий взгляд... Дипломат, кто-то сует мне дипломат в негнущиеся пальцы, которые уже отмыты под струей холодной воды, но все равно ощущение кровавой липкости никуда не делось...

Отличие от мерзкой картинки. Та, как выяснилось, исчезла бесследно. А словам моим вроде бы и верят, но... А может, и вовсе не верят. И даже я сам порой ловлю себя на сомнениях: а был ли он, тот гнусный листок формата А4?

...Я встряхнулся, выбросив из головы майские воспоминания. Не было сейчас никакого мая, никакого солнца – лишь темные мраморные стены, синеватые дуги ламп и семеро за черным бархатом стола. Главный – тот, кого называли Старшим Хранителем – что-то про-

никновенным голосом вещал, но я пропустил начало и теперь с трудом вслушивался, пытаюсь собрать воедино осколки слов и уловить, наконец, их смысл.

– Нет и не осталось никаких сомнений, следственные изыскания полностью установили истину. Подсудимый действительно избивал ребенка, избивал жестоко и хладнокровно, пользуясь своей взрослой силой и учительской властью. Что вызвало вспышку его бесовской ярости – озорная ли мальчишеская улыбка, солнечный ли луч, упавший на детское лицо, поток ли свежего ветра – не суть важно. Темны и недоступны глубины души Константина Демидова, и не нам, Трибуналу Высокой Струны, спускаться в сию мрачную пропасть и разглядывать таящихся на ее дне чудовищ... Однако мы можем и должны оценивать дела подсудимого, а дело его обагренных кровью рук – избиение невинного, чистого ребенка. Избиение, которое лишь по воле Высокой Струны не стало убийством – лишь в последний, могущий стать роковым миг она дрогнула, испустив исполненный боли стон, и незримые силы эфира парализовали злодея. Но становится ли от этого его преступление меньше? Становится ли сам Демидов менее опасным для человечества, для его наиболее светлой, прозрачной, открытой добру и Музыке части – для детей?

Хранитель сделал паузу, достал белый платок и утер ускользящее от моего взгляда лицо. Затем продолжил:

– Самое гадкое и скверное, что обвиняемый для своих гнусных целей прикрывался высоким достоинством учителя, пользовался своей властью. Пользовался жестоко и сластолюбиво. Избиение беззащитного мальчика Мити – лишь завершающий аккорд... Увы, к этому все шло. Как установило следствие, он и раньше отличался черствостью и жестокостью. Немало жгучих детских слез вызвал он несправедливо поставленными двойками. Жгучих слез и семейных трагедий, могущих закончиться печально. Так, например, два года назад чуть было не покончил жизнь самоубийством тринадцатилетний Кирилл Байгушев, получивший незаслуженную двойку на переводном экзамене по геометрии и оставленный на осеннюю переэкзаменовку. Все лето – жаркий солнечный праздник! – разбилось осколками слякотных, беспросветных дней, когда мальчишка должен был ходить на обязательные занятия в школу. «Я не хочу так жить!» – рыдал он после экзамена в школьном коридоре на пятом этаже, возле раскрытого настежь окна, и лишь присутствие одноклассников предотвратило несчастье. И подобных случаев можно было бы привести немало.

Вновь пауза, заполнившая собою пространство. И вновь безумные, чудовищные, идиотские речи:

– Таким образом, мы видим, что обвиняемый – потенциальный источник опасности, потенциальная угроза детским жизням. Уже одно это требовало от нас, Хранителей, принять жесткие меры.

Но Высокая Струна милосердна. Поначалу, рассмотрев первичные материалы дела, мы постановили ограничиться блокадой. Демидову был послан «черный конверт». Но как вы думаете, что сделал подсудимый? Рассмеявшись, он скомкал его и выбросил в мусорное ведро. Наивный, он полагал, что в те минуты некому его увидеть... И с тем же издевательским смехом этот нравственный импотент позвонил невесте... К счастью, та оказалась благоразумной девушкой, вовремя сообразив, с каким чудовищем чуть было не связала свою судьбу...

Я невольно дернулся вперед. Да как он смеет! Про Лариску...

Происходило что-то совсем уже запредельное. Ну как психически здоровый человек способен не то что произносить, – хотя бы всерьез выслушивать этот бред. Все это походило на дурной анекдот, на тягостный, беспросветный роман Кафки, в котором я стал героем. Но даже у Кафки было поизящнее. Ведь глупейший же фарс! Ну какой в нем смысл?

И все-таки я чувствовал, что смысл есть... Какой-то тяжелый, мутный, и, конечно, совсем не тот, что вытекал из гладких, отточенных речей Хранителя.

– Итак, обвиняемый не внял нашему предостережению, не бросил педагогическую работу, не выплатил указанной нами суммы на лечение искалеченного мальчика... Мы дали ему достаточный срок одуматься – целое лето, но он не воспользовался своим шансом. Вообразите ужас и отчаяние детей, когда первого сентября, войдя в кабинет математики, они вновь увидели Константина Дмитриевича Демидова, палача и садиста. Увы, школьная администрация проявила формализм и приверженность чести мундира. Мундира, замазанного детской кровью! Видите ли, не имелось официальных поводов для увольнения. Впрочем, эти начальственные дамы – вопрос отдельный, с ними уже работают иные наши структуры. Мы же вернемся к Демидову, нагло наплевавшему на милостивое предупреждение «Струны». После этого медлить было нельзя – и Оперативная Часть Столицы произвела изъятие преступника. Далее имели место следственные мероприятия, полностью подтвердившие обвинения. А посему...

Хранитель сделал короткую передышку, глотнув из ребристого графина. Странно, а я и не заметил, откуда тот взялся. Впрочем, после «следственных мероприятий» я много чего перестал замечать. Совершенно разладилось восприятие.

– А посему, – продолжал он, – Трибунал Высокой Струны, рассмотрев дело бывшего учителя Константина Дмитриевича Демидова, вынес свое решение. За насилие, совершенное над светлым ребенком, за предательство и жестокость, учитывая потенциальную опасность преступника, – вывести его за пределы *Тональности*. Для чего передать Демидова в распоряжение Исполнительной Части, дабы та поступила с Демидовым милосердно и безболезненно.

Он замолчал, утирая лоб все тем же белым платочком. Да... Стилистика у них... Во времена Святейшей Инквизиции формулировка звучала весьма схоже. «Предать в руки светской власти, дабы поступила она с ним кротко и без пролития крови»... Недалеко же эти ушли. А уж как эвфемизмы любят... Вывести за пределы Тональности. Если учесть, что «Тональность» – это, по словам следователя, вся наша Вселенная, весь видимый мир...

В общем-то, я даже не особо испугался. К тому все шло.

– А сейчас, – вновь возбудился Хранитель, – Демидов пройдет Коридором Прощения. Но сперва, – махнул он кому-то невидимому рукой, – чтобы ни у кого не возникло сомнений в справедливости суда Струны...

По мановению его ладони в мраморной стене появился проем, за которым зияла чернота.

– Ну давай же, иди! – нетерпеливо бросил Хранитель.

Из черноты осторожно выдвинулась невысокая фигурка.

Ничего себе! Я узнал его сразу, несмотря на разительные перемены.

Димка Соболев оставался самим собой, хоть и одет был в лазоревую футболку и такого же цвета шорты. Волосы его, некогда касавшиеся плеч, были коротко острижены, и оттого он казался значительно моложе своих четырнадцати лет.

Димка замер на пороге, с недоумением оглядывая Мраморный зал.

– Гляди, отрок! – обернувшись к нему, торжественно возгласил Хранитель. – Высокая Струна справедлива, она не медлит покарать зло. Вот он, жестокий негодяй, сладострастно избивавший тебя, надеявшийся на свою грубую силу и учительскую неприкосновенность. Вот он замер сейчас, огорошенный строгим приговором, жалкий червяк, что и соответствует его глубинной сути. Не должен быть он в мире, не должен осквернять мерзкими своими звуками нашу чистую Тональность. И потому будет изъят из нее. Никогда больше не ударит беззащитного ребенка, никогда не прольется из-за него светлая детская слеза. Ибо Высокая Струна справедлива. Гляди же, отрок! Пусть в сердце твоём укрепится вера в милосердную защиту «Струны»...

Чем больше разливался соловьем Хранитель, тем недоуменнее казалось Димкино лицо.

А я не мог отвести от него глаза. Димка Соболев... Поганец, сунувший мне мерзкую картинку... Димка Соболев, хрестоматийный пример «трудного подростка», не умеющий решать квадратные уравнения... и голова его металась, как воздушный шарик под моими ударами, и бурая кровь не хотела отмываться под струей холодной воды...

– Константин Дмитрич! – вдруг выкрикнул он неожиданно хриплым, начинающим ломаться голосом. – Это не я! Тогда, с фотографией! Вы не думайте, я не хотел...

Лица членов Трибунала как по команде скривились. Хранитель раздраженно махнул рукой, и Димка дернулся – казалось, кто-то невидимый потащил его за шиворот.

– Итак, пострадавший ребенок видел торжество справедливого суда! – торопливо подвел итог Хранитель. – А теперь...

– Не надо! – истошно проорал исчезающий в черном проеме Димка. – Я не хочу! Не трогайте...

– А теперь, – вернувшись к прежнему невозмутимому тону, продолжал Хранитель, – уходящий в иную Тональность преступник должен очистить свою душу. И потому он пройдет Коридором Прощения.

Хранитель тяжело опустился на скамью, и ему тотчас услужливо протянули граненый стакан. Похоже, за время судебного заседания графин наполовину опустел.

И тотчас я ощутил на своем плече жесткую руку. Поднял глаза – так и есть, ультрамариновая куртка, скучные серые глаза.

– Ну, пойдем, *деревянный* ... Не держи зла.

Широкий прямой коридор казался бесконечным. Что-то случилось с законами перспективы, а может, изменилась геометрия пространства, – но не было ему конца, лишь неясное бурое марево плыло перед глазами.

Я медленно шагал вперед, отчего-то припадая на правую ногу, с обеих сторон стояли мальчики разного возраста – от семи лет и, похоже, до тринадцати, но одинакового облика – все в футболках цвета морской волны. Коротенькие шорты, приглаженные волосы, колючие взгляды. И шепот, монотонный, словно бьющаяся о песчаный берег морская волна.

– Мы прощаем тебя, Уходящий... Мы прощаем тебя... Исчезай с миром...

Не было конца этому унылому шествию. Дети-марионетки всё повторяли и повторяли одно и то же. Должно быть, и им это надоело: приглядевшись, я заметил, что кое-кто лишь беззвучно открывает рот. Некоторые старшие делали над головами малышей «козу», а те, напротив, относились к своей задаче как нельзя серьезнее. Сосредоточенные лица, широко распахнутые глаза, подрагивающие от усталости загорелые ноги, в неживом свете люминесцентных ламп казавшиеся сиреневыми, точно обтянутыми дамскими колготками.

– Мы прощаем тебя, Уходящий... исчезай с миром...

Откуда взялись эти дети? Почему они такие одинаковые, отчего живет упрямая грусть в их широко распахнутых глазах, зачем им все это надо? «Струна»... Загадочная, нелогичная, жестокая и запредельная «Струна». И дети... Бесконечные, равнодушно глядящие мне вслед шеренги детей, замороженных, околдованных неслышным уху звоном, магической мелодией. Жертвы Крысолова? Или жертвы «Струны»?

Время будто замкнулось петлей... Я все шел и шел, а коридор не кончался, и отражались от стен – теперь уж обычных, не мраморных, а всего лишь бетонных, слова: «мы прощаем тебя, Уходящий... мы прощаем тебя...»

«А, все равно, хуже теперь не будет, так почему бы и нет?» – мелькнула мысль.

– Ребятишки, – резко остановившись, произнес я как можно громче, – а почему вы меня прощаете? Тут найдется хоть один, кого я обидел? Если да, пускай шагнет вперед. Нужно ведь еще и иметь это право – прощать...

Дети на секунду замерли, но лишь те, кто находился рядом. А стоявшие позади и те, до которых я еще не дошел, словно ничего и не случилось, продолжали заученно бубнить «мы прощаем тебя...» Мне тут же пришло в голову, что их, этих бедняг, наверняка мучили долгими тренировками. Иначе как объяснить такую ритмичность, такой слаженный хор мальчиков?

Впрочем, долго задумываться мне не дали. Болезненный тычок меж лопаток – и мой ультрамариновый провожатый злобно прошептал:

– Ну ты, козел, еще выступать будешь? С тобой поговорить напоследок, да?

Я обреченно двинулся вперед. Что означает «поговорить», я уже знал. Общения со следователями под черными масками мне более чем хватило. Действительно, какой такой гуманизм по отношению к нам, «деревянными»?

А коридор никак не хотел кончаться, и порой ловил я себя на мысли: может, все уже свершилось, и это и есть она, загробная вечность... Потертый линолеум пола, мертвый свет ламп, монотонно шевелящиеся детские губы... «Мы прощаем тебя, Уходящий»...

4

– Ну, готов? Спускайся, поехали! – мелькнув на пороге комнаты, крикнул Женя. И тут же куда-то умчался, этакий живчик.

Отчего бы и не поехать? Ничего другого и не остается. Альтернативы нет, не считая, конечно, лунного поля... А там теперь снег лежит толстым слоем. Новый снег нового года. И не осталось никаких следов от тех черных клякс в сухой траве... Разве что тени кружатся, белесые такие, стелющиеся... Увы, и этого нет, не верю я во всю подобную мистику. В конце концов, случившееся со мной куда более странно.

Я спустился во двор. Там, фыркая прогреваемым мотором, стоял приземистый «бизон», а на грязном, тающем снегу топтались Шура и Миха, ребята из Жениной группы. Докуривали, о чем-то негромко толковали, пересмеиваясь. Неплохие парни, мы не раз уже пообщались в бильярдной, не говоря уже о здешнем баре «На дороге». Кто сказал, что люди «Струны» не уважают пиво? Обывательские домыслы, господа! Особенно если завезут «Темное елагинское»... Это же такой букет! И как положено – раки, соленые сухарики, копченый судак... Бармен, старик Боксис, знает свое дело...

С сухим законом пришлось проститься в первые же дни. «Все, старик! – решительно заявил Женя, – кончились у тебя дни воздержания. Вместе с опытом погружения на дно. Так возьми от жизни ее природные дары, не гнушайся простыми человеческими радостями!».

И я взял, стараясь, конечно, выдерживать меру. Не хватало еще потерять контроль. И пускай я не склонен к излишней болтливости, но все равно не стоит забывать – хожу по мосту тоньше конского волоса. Шаг вправо, шаг влево... Забавно, еще две недели назад, обретаясь в подвале и подрабатывая на разгрузке да стеклотаре, я чувствовал себя в большей безопасности. А здесь – тепло и свет, великолепное трехразовое питание, приветливые люди, с виду непохожие на мрачных аскетов... И тем сильнее я ощущал себя пешкой, стоящей под боем. Рано ли, поздно ли – сдадут. Наивно полагать, что тогда, осенью, не пересчитали кляксы, не отволокли трупы в грузовик. А еще наивнее думать, что исполнители и сами верят в сказку о милосердии «Струны». Далекие миры за гранью тишины... Ну как же! Ищут меня. С сервера на сервер перескакивают запросы, сканируются мало-мальски подозрительные физиономии, обстоятельно расспрашиваются многочисленные «друзья „Струны“»... И рано или поздно кончится эта безмятежность... Я вот сейчас отъедаюсь и отсыпаюсь, хожу на медицинские процедуры, играю в бильярд и потягиваю пиво в компании симпатичных и даже слегка интеллигентных парней. А тем временем кто-то скрупулезно изучает дело Константина Ковылева, запрашивает свидетелей дальнегорского взрыва, сопоставляет факты и даты... Это лишь на первый взгляд моя легенда кажется железобетонной, а как знать, сколько зияет в ней трещин и откровенных дыр... Вот и остается просто жить, не загадывая на долгий срок.

Хлопнула тяжелая дверь, вылетел во двор суетливый Женя, на ходу что-то втолковывая высокому мрачному парню. Такой вполне мог бы играть Кощей Бессмертного на детских утренниках. Хотя именно он здесь, на «базе», изображал в новогоднюю ночь Деда Мороза. Талантливо изображал, надо сказать. Из его объемистого мешка мне досталась простенькая деревянная дудочка. И что мне с ней было делать при моем-то отсутствии слуха?

Разумеется, вертелся здесь же и непоседливый козленок Севка. То, неслышно приближаясь, подслушивал разговоры куривших и, подпрыгнув за их спинами, радостно визжал, убегая. То сосредоточенно пинал смятую жестянку из-под пива, то лепил снежок и начинал обстрел. Правда, чаще всего попадал в «молоко», а после единственного удачного броска был изловлен пострадавшим Михой, поднят за шиворот пуховика и звонко шлепнут пониже спины. Правда, сие воспитательное действо у него обиды не вызвало.

– Ну все, мужики, время! – сообщил Женья. – Погнались.

Мы забрались во вместительное нутро «бизона». Севку, чтоб не баловал, зажали между Михой и Шурой, рядом со мной, сложившись вчетверо, примостился экс-Дед Мороз, а Женья сел рядом с водителем, толстеньким и усатеньким коротышкой.

Мы рванули, машина, круто развернувшись, вылетела из предусмотрительно открытых ворот, которые тут же сомкнулись за нашей спиной. Поворот, еще один – и вот уже гоним по широкому шоссе. С обеих сторон высятся огромные, едва ли не в человеческий рост сугробы, тянутся белые, исчерченные темными проталинами поля, а вдаль, у горизонта, смыкается с небом неровная стена леса. Времени уже четвертый час, но еще не начали сгущаться сумерки, хотя, вроде, им пора. Еще полчаса, не больше – и растекутся вязким синим киселем, растворят в себе грязную белизну низкого неба.

– Народ, а куда мы едем-то? – отчего-то негромко поинтересовался я, сдвигаясь поудобнее.

Шура хмыкнул, Миха присвистнул, а Женья изогнулся ко мне с переднего сиденья:

– Точку ставить будем, Константин! Над буквой «i». Поглядишь на акт справедливости. Я поежился. Слишком часто я в последнее время слышал это слово.

– А конкретнее?

– Да чего там! – рассмеялся Женья. – Лучше один раз увидеть, чем тысячу раз... Привыкай, тебе полезно.

Ну ладно. Все равно ведь никуда это от меня не денется.

– А ехать долго? – все же спросил я, провожая глазами однообразный пейзаж.

– Не бойсь, ногу не отсидишь. Еще полчаса где-то. Так, Базиль? – повернулся он к водителю. Тот молча кивнул. – Или тебе отлить? – участливо предположил Женья. – Так ноу проблем, сейчас тормознем. Ты проще будь, Костян, проще...

Ну куда уж нам до такой простоты...

– Да в порядке я, в порядке. Не опекай меня без нужды, – пробормотал я, отчего-то смутившись.

– Севка, а тебе? – моментально переключился Женья. – Перед выездом сходил куда следует?

– Что я, маленький? – насупился пацан, теребя застёжки своей меховой шапки.

– Ну и славно! – Женья отвернулся от нас и скомандовал водителю:

– Еще газку, Степаныч!

– А навернуться? – не отрываясь от баранки, проворчал тот. – Не видишь сам, какая голо... – дернул он досадливо плечами... – короче, гололедица.

Не будь тут мальчишки, он бы выразился круче.

Белую плоскость пересекло черным. Так и есть – железная дорога. В стороне темнеют неказистые будки, жмутся сиротливые вагончики, поблескивает синим далекий семафор.

– Ну все, тормози, Базиль, – скомандовал Женья. – Прибыли.

– А где ж эти-то? – мрачно поинтересовался Дед Мороз. – Не подвезли еще?

Женья кинул взгляд на часы.

– Все путем, у нас еще десять минут в резерве. Кости пока разомнем, перекурим...

Толстенький Вася остановил машину метрах в десяти от переезда. Вокруг – белое безмолвие. Если не считать пары дальнобойщиков, никто не встретился нам по пути. Впрочем, это ж провинция. Тут нельзя судить по столичным меркам.

Мы вылезли, Миха с Шурой тотчас утопали куда-то влево по снежной целине, к рельсам. Потом Шура вернулся, вытащил из машины туго набитый мешок и, взвалив на спину, заковылял к ожидавшему Михе.

– Заодно и площадку подготовят, – одобрительно заметил Женья.

Дед Мороз кивнул, раскуривая сигарету.

– Вот они! – махнул рукой водитель Базиль. – Везут!

И впрямь, в тишине послышалось негромкое тарыхтение, а вскоре на фоне темнеющего неба показался похожий на деловитого жука «Рафик».

– А Демьянов во сколько должен быть? – все так же хмуро уточнил Дед Мороз.

– Ровно через полчаса. Все рассчитано, – усмехнулся Женя. – Пока разложим, пока напутствие дадим... Еще и стемнеть по-настоящему не успеет.

– Жень, – мне просто надоело молчать, – может, помочь чем?

– Да не, не надо, – отмахнулся тот перчаткой. – Ребята дело свое знают. А ты смотри, привыкай. Осваивайся, в общем.

Протяжно фыркнув, «Рафик» затормозил возле нашего «бизона». Лязгнув, раскрылась задняя дверца, выпрыгнули на снег двое крепышей в лазоревых пуховиках.

– Здорово, коллеги! – приветствовал их Женя. – Ну, как, он в состоянии?

– А то! – довольно прогудел один из прибывших. – Мы что тебе, «чайники»? Выдержали нужную кондицию. Сейчас сам увидишь.

В недрах «Рафика» послышалась быстрая возня, миг – и оттуда выползли еще двое лазоревых. А в руках их болтался... Нет, никаких сомнений. Это он. Мой старый знакомец, Железнодорожный. Грязные лохмотья – та же куртка, та же шапка. И тот же взгляд – цепко-настороженный, волчий.

– Ну что, – осклабился Женя, – кончаются времена и сроки, а? Пора тебе тональность поменять, пора... Вон туда! – махнул он перчаткой лазоревым. – Во-он туда, где ребята наши.

Сосредоточенные крепыши, не тратя слов, быстро потащили обмякшее тело по снегу, иногда проваливаясь чуть ли не по пояс. Вот они уже возле Михи и Шуры, вот повалили его и деловито возятся. В темнеющем воздухе разносятся монотонные удары – железом о железо.

– Ну что, потопали и мы! – махнул нам рукою Женя. – Не отставай, Севка, – подбодрил он отчего-то поскучевшего пацана. В самом деле, от недавней его резвости и следа не осталось. То ли в машине сомлел, то ли еще что...

И мы поплелись по свежим следам.

Идти пришлось недолго – метров двести. Склон там не отличался особой крутизной, и на изрядно утоптанном снегу стоять можно было свободно. Ребята и стояли свободно, покуривали, и искорки сигарет тускло светились на фоне грязно-синего неба. А поперек рельсов растянута была Железнодорожный. Кисти его рук стягивала веревка, привязанная к вбитому в мерзлый грунт стальному колышку. То же и с ногами, но уже по другую сторону насыпи. Шея Железнодорожного касалась холодного металла одного рельса, задняя часть – второго. А сам он тихо подвывал, и пена пузырилась на его опухших губах.

– Минут десять осталось, – взглянув на часы, сообщил Женя. – Демьянов уже из Овражков выехал, полным ходом поспевает сюда. Ладно, пора итоги подвести. Не люблю я речей говорить, а положено. Короче, что мы видим перед собой? Андрея Ивановича Ложкина, сорока трех лет отроду, слесаря-сантехника по основной специальности. А по совместительству Андрей Иванович занимался и другими делами... Он очень любил детей... специфической любовью. Правда, мало кто из них мог после поделиться впечатлениями. Как правило, наш сантехник не оставлял следов. Переезжал с семьей с места на место, якобы в поисках лучшего заработка, хотя искал он совсем не то. Да уж, ребята из нашего следственного нашли в подвале дома двенадцать по улице Оловянной много интересного... Именно в этом подвале он с прошлой осени предпочитал развлекаться с мальчиками. Справедливости ради отмечу, что не брезговал товарищ и девочками. Часто применял он различные механические приспособления – еще бы, золотые руки, прямо-таки самородок-умелец.

Женя, не удержавшись, смачно сплюнул на снег. И продолжал:

– Что забавно, в своей дневной жизни он был вполне заурядным семьянином. Жена Ксения Павловна, трехлетняя дочь Дашенька... И зарплату наш сантехник приносил домой

исправно, не пропивал, не тратил на глупости... Дома у них уютно, аккуратно, прямо-таки глаз радуется.

Вот и стоны истязуемых детей доставляли Андрею Ивановичу чисто эстетическую радость... Не только же плотским пробавляться, господа... Да ты морду-то не вороти, урод, здесь, можно сказать, летопись твоей веселой жизни зачитывается... А как же он избавлялся от трупов? Ведь трупов, по самым скромным подсчетам, должно было скопиться десятка полтора... Хотя бы за те пять лет, в течение которых Андрей Иванович чтит своим пребыванием скромный город Мухинск. Но голь, как известно, на выдумки хитра. И он ловко приспособился расчленять то, что оставалось от его жертв. Далее части эти сбрасывались в канализационные люки. А там же обитают крысы, дорогие мои. Голодные, плотоядные крысы. Им и кости перемолоть – как чихнуть. И все было шито-крыто, рыдали потерявшие детей матери... впрочем, в основном дядя специализировался на бродяжках. А наша доблестная милиция не чесалась, это же не из алкашей последнюю деньгу дубинками вышибать, тут уметь надо...

Ползли и множились слухи, Иваныч посмеивался и продолжал время от времени развлекаться. Он, обладая несвойственным рядовому сантехнику острым аналитическим умом, упустил лишь одну ма-а-аленькую деталь. Помимо милиции и Комитета, есть и иные структуры... Не старающиеся быть на виду, но куда более эффективные. Короче, наш Дрюня не учел существования «Струны». Не думал он, что имеются у «Струны» такие возможности, которые и не снились различным спецслужбам. И вычислить дядю оказалось не особо сложно. С этим вполне справилось наше региональное управление.

Оставалось сделать последнюю проверку, она же – последнее доказательство. И тогда, незадолго до Нового года, чисто случайно, разумеется, попался нашему слесарю маленький оборвыш Севка. Покажись, малыш, – и Женя легонько подтолкнул пацана ладонью. – Погляди, погляди, Андрей Иваныч, – хмуро продолжил он. – Что ты намеревался сделать с этим мальчиком? После того, как потешил бы неувядающую плоть? Распилить циркуляркой? Жечь паяльной лампой? Или всего лишь повесить? Жалеешь, что не вышло, господин Ложкин? А вот не все коту масленица. Тут и гражданин некстати вмешался, – кивнул он на меня. – Совсем уж некстати, да? Нос как, не беспокоит?

– В общем, господа, – скучным голосом закончил Женя, – это и есть история жизни сантехника Ложкина. История, начавшаяся более сорока трех лет назад, а завершившаяся... Через пять минут она завершится. Ты, Иваныч, читал когда-нибудь такую книгу – «Анна Каренина»? Чувствую, что читал.

Женя помолчал, собираясь с мыслями. Хотя чего ему собираться – язык подвешен неплохо. Глядишь, мог бы и писателем стать. А стал человеком «Струны».

Удивляло меня другое: почему я не чувствую жалости к распластанному на рельсах Железнодорожному? Ведь тоже человек, тоже дышит... Ну правильно, нелюдь он, тварь... Так и вычесть его из человечества можно без этих изысков. Пуля в затылок – и расплывется клякса на лунном поле... Но робкие аргументы ума сейчас заглушались колотящимся сердцем. Я прямо-таки всеми печенками ощущал странную вибрацию. То ли это дрожал наполненный болью сырой воздух, то ли сотрясал почву невидимый пока состав... А может, что-то другое происходило сейчас... рождалась из сумерек невозможная музыка. Невозможная – и все же знакомая. Еще по Мраморному залу.

– Итак, перейдем к официальной части, – вновь заговорил Женя. На сей раз голос его был сух и деловит. – Местное отделение «Струны» произвело все необходимые следственные изыскания. Дело представляется абсолютно ясным, нет надобности обременять Трибунал. Мера наказания также не вызывает сомнения. Преступник переводится в иную Тональность. И Высокая Струна дала на это свое соизволение. Способ избран гуманный, хотя из соображений механической справедливости можно было бы заставить Ложкина на

себе испытать мучения жертв. Но Струна милосердна. Ты уйдешь из жизни быстро, Ложкин. Быстро, – но без Коридора Прощения. Ты не заслужил его.

Справа показался желтый глаз надвигающегося поезда.

– Вот уже и Демьянов на подходе, – удовлетворенно хмыкнул Женя.

Кто-то колыхнулся в густеющих сумерках.

– Дядь Жень, – насупленный Севка дернул Женю за рукав. – Можно я туда, – махнул он рукой за спину. – Ну, к машинам... Мне отлить... И вообще... – прошептал он виноватым голосом.

– Боишься, Колокольчик? – резко повернулся к нему Женя. – Тогда, на стройке, под ножом, не боялся? А сейчас дрейфишь? А, ладно, как знаешь. – Голос его затвердел. – Миха, проводи ребенка к «бизону». И подождите нас там.

Две черные фигуры побрели по бурому снегу на фоне облитого липкими чернилами неба. Большая и маленькая. Неловко, медленно, оступаясь в глубоких сугробах...

– Вот, – устало заметил Женя. – Страшно мальчишке стало. Не хочет на смерть смотреть. Ибо чистый ребенок. А ты, Дрюня, смаковал...

Поезд надвигался неспешно, но в самой этой неспешности ощущалась неотвратимость. Желтая точка фонаря превратилась уже в слепящий глаз, глухо, ритмично позвякивали рельсы, тряслась под ногами разбуженная земля.

– Отойдем чуток, – Женя тронул меня за плечо. – А то еще воздушным потоком закрутит...

Я послушно шагнул вниз, под насыпь. Сейчас мне было уже все равно, все смешалось – тяжелый лязг рельсов, дрожание земли, задевающий лицо влажный ветер. Всё сорвалось со своих мест, всё стало неслышной музыкой, всё утонуло сейчас в низких, густых, разрывающих ткань реальности звуках. Время вздохнуло, расплзлось тающим в пальцах снегом, необъятные черные провалы надвинулись, потянули в пропахшие горьковатым полынным дымом слои...

– Чуешь Струну? – шепнул мне в самое ухо Женя. – Чуешь... Я же говорил – наш человек.

А звук как-то сразу вдруг прекратился. Унесся в черную мглу товарняк, растворился в сумерках, пролязгал бесконечной гусеницей вагонов.

Мне не хотелось оборачиваться.

– Шура, Гена! – негромко скомандовал Женя. – Мешок при вас? Ну давайте, действуйте... Ничего не забывая. Не мне вас учить. Пошли, Костян! – легонько хлопнул он меня по спине. – Ребята сами справятся.

И мы пошли. Но дернуло же что-то меня обернуться. Обернуться и тут же пожалеть.

Подсвечивая себе мощными армейскими фонарями, деловито шуровали на насыпи ребята. И луч выхватил из тьмы что-то небольшое, круглое... похожее на футбольный мяч. Правда, мячи не бывают мохнатыми. И не блестят у них железные зубы.

5

– Ну, заходите, ребята, заходите... Присаживайтесь... Чувствуйте себя как дома... Собственно говоря, вы и так...

Аркадий Кузьмич широко улыбался, развернувшись черным кожаным креслом в нашу сторону. Кресло, величественно-необъятное, могло вместить, по меньшей мере, троих таких Кузьмичей – худеньких, лысеньких, с озорными маслинами-глазками. Как-то не вязалась простецкая внешность Старшего Хранителя с более чем серьезным кабинетом.

Боясь показаться невоспитанным, я лишь короткими взглядами сканировал окружающую среду. А было на что посмотреть. Сам кабинет, вытянутый в длину, вполне мог принадлежать когда-то большому здешнему начальству. Директору комбината, секретарю райкома... Ну, на худой конец, редактору областной «Правды». Масштабы, как и положено, подавляли. Здесь и танцевать можно было, и в снежки играть – дело лишь за снегом.

Вдоль стен стояли не стулья даже, а ряды кресел – в меру роскошных, обтянутых красным бархатом, но ни в какое сравнение не идущих с местообитанием Кузьмича. Сами стены, отделанные розоватым мрамором, навевали неприятные воспоминания. Не то ритуальный зал, не то еще похуже... Спасибо мрамор хоть не зеленый. И наверняка фальшивый.

Слева со стены глядел огромный портрет. Седой мужчина, слегка прищуренные глаза, плотно сжатые губы. Казалось, был он чем-то недоволен, но полагал ниже своего достоинства поднимать вопрос... Нет, вроде бы совершенно незнакомая личность... Хотя что-то такое вертелось в мозгах... Вертелось – и мгновенно таяло, ускользало.

На противоположной стене разместилась неожиданная, неуместная здесь коллекция. Не холодного оружия – напротив, более чем мирная. Висели тут музыкальные инструменты. Благородные изгибы темных, сверкающих полировкой скрипок гармонировали с изящными, напоминающими знаки интеграла гобоями, огненно-рыжие гитары поблескивали серебряными, разлиновавшими черные грифы струнами. Огромный контрабас чудом не обрывался под собственным весом, а легкомысленного поведения мандолины, казалось, готовы были взметнуть шквал каких-нибудь южных страстей.

Чего тут только не было! И легкие, тоскующие по девичьим пальчикам арфы, и старинные, затейливо расписанные гусли, и пузатый охотничий рожок... «Неужели Кузьмич на всем этом играет? – мелькнула шальная мысль. – Нет, скорее всего, инструменты имеют ритуальное предназначение».

– Вот, Аркадий Кузьмич, – кашлянув, начал Женя. – Это и есть Константин Антонович Ковылев, о котором вам уже докладывали.

– Очень приятно, Константин Антонович! – живо подхватил Кузьмич. – Наслышан, и изрядно. Знаю, вам сильно не повезло. Не стану говорить всяких стандартных утешений, о всяких там темных и светлых жизненных полосках – наверняка уже наслышались такого по самое «не могу». Но ведь вы устояли все-таки, Константин, не сломались. И это не случайно. Значит, есть в вашей душе некая струнка, отзывающаяся на звучание иной, изначальной Струны. Собственно, она и привела вас сюда, к нам. Все очень символично.

Жестикуляция у Кузьмича была под стать патетической речи. Пальцы его нервно бегали по черной столешнице, мимические фигуры поражали своей утонченностью, а глаза чуть ли не выползали из орбит. На стебельках они у него, что ли, как у насекомого? Часом, не дразнят ли его тараканом?

– Итак, я рад, Константин Антонович, что вы, оказавшись в сфере нашего... э-э... притяжения, проявили неподдельный интерес к нам и к нашему делу, готовы влиться в наши ряды, занять, если можно так выразиться, свою линейку на нотном стане...

Надо же, как поэтически излагает! Ох, очень, очень осторожным надо быть с этим доброжелательным тараканом.

А речь таракана гладко лилась дальше:

– Согласно традиции, мне как начальнику регионального отделения нашей организации положено произнести несколько слов о нас и нашем деле. Наверняка я скажу сейчас банальные, хорошо известные вам вещи, но порядок есть порядок. Тем более, в обществе имеют место и невежественные предрассудки, и высокоинтеллигентское предубеждение, замешанное, кстати, все на том же невежестве.

Кузьмич поучающе поднял палец:

– Итак, официально мы называемся Федеральным фондом защиты прав несовершеннолетних. Но вы сами понимаете, это лишь вывеска. Сами себя мы называем «Струной». Почему именно такое название – это особый и долгий разговор. Скажу лишь, что мы стараемся быть созвучными Высокой Изначальной Струне, колебания которой мы, люди, воспринимаем как свет, добро, милосердие... Наше движение озабочено одной из самых важных, возможно, основной проблемой человечества – спасением детей от жестокости, от зла, творимого людьми, обществом, природой... Казалось бы, сие – основа основ, но люди согласны с этим лишь на словах. А на деле – тупой эгоизм, боязнь заглянуть в собственную душу, неумение за сегодняшним днем видеть будущее. Государство, которое, казалось бы, и существует ради людей, на самом деле полностью устранилось от этих проблем. Устранилось, если не сказать хуже. Фактически оно, государство, вносит свою немалую лепту в общее зло. Причины всем понятны, не будем о грязи.

Тут я с Кузьмичом был полностью согласен. Уж грязи я насмотрелся вдоволь, причем не только после Лунного поля.

А Кузьмич проникновенно вещал:

– Что же оставалось делать людям, в сердцах которых не смолкла Высокая Струна, людям, которые любят детей и не могут смириться с ежедневным потоком зла? Тихо страдать в одиночку? Очень благородно и красиво, но кому от этого станет лучше? Обращаться в государственные инстанции, бить в набат и раскачивать язык колокола? Без толку, сами знаете. Многие пробовали, а результат нулевой. Перемелют жернова власти любого. Ибо цель власти – сама власть, не более того. С ней можно иногда взаимодействовать, но упаси Боже возлагать на нее хоть какие-то надежды. Кидаться за помощью в иные общественные институты? Ни у одного из них нет реального влияния, нет рычагов. От перестановки слов не происходит дел. Да и не видят они, по существу, волнующую нас проблему. Озабочены своими целями...

Странное дело, Кузьмич говорил заскорузлые банальности, но речь его между тем звучала неким откровением. Может, дело не в словах, а во мне? Или в какой-то непонятной атмосфере, невидимо обволакивающей кабинет?

– Итак, естественной кажется мысль объединиться. – Кузьмич, похоже, перешел к самому интересному. – Объединиться не ради слов, не чтобы петь красивые песни или обсуждать добрые книжки. Объединяться надо для дел, реальных, конкретных дел. Пьяные родители истязают ребенка. И никто – ни соседи, ни милиция, ни школа – не вмешивается. Вмешаемся мы. «Деловые ребята» продают школьникам наркоту. Все видят, все молчат, никто ничего не делает. А мы – сделаем. И так сделаем, что напрочь отобьем охоту у деловых ребят этим заниматься. Или, допустим, не хватает денег на закупку оборудования для детского онкологического центра. Зато рядом строится казино. И все возмущаются, и никто ничего не может. А мы – можем. Мы переставим местами не слова, а деньги.

– И хозяева казино не будут возражать? – механически брякнул я в пространство. Хотя кто меня за язык дергал?

Однако распалившийся Кузьмич явно обрадовался моим словам. Он аж привстал в кресле, точно всадник в стремях, и в лысине его отразилась апельсиново-яркая люстра. Торжествующе воздев тонкий палец, Хранитель ликующе рассмеялся.

– Вот! Вот она, суть! Главное – задать правильный вопрос. Константин Антонович, отвечаю. Не будут возражать крутые пальцевёрты, ох как не будут. Напротив, приползут на брюхе с чековыми книжками в зубах. А мы еще подумаем, что с ними делать. Потому что у нас – сила, – слово это Кузьмич протянул медленно, со вкусом. – У нас – *сила*, и они, те, кто поумнее, давно уже с нами считаются. Понимают, что обижать детей стало небезопасно.

– А кто поглупее? – вновь зачем-то выскочил я. На сей раз прыснул Женя.

– А тех, кто поглупее, Костян, – выдавил он сквозь распиравший его смех, – находят в разных местах. Кого – в канаве, кого – на собственном ложе. И, что характерно, очень молчаливых. И с гитарной струной вместо галстука. Хотя таких кретинов уже немного. Дело-вые, они же только в анекдотах пальцами крутят. А по жизни мигом просекают фишку...

– Но! – вновь воздел все тот же палец Кузьмич. – Вы спросите: а откуда же берется сила? Ведь мало объединиться. Ну что могут сделать несколько хилых очкастых интеллигентов с дряблыми мышцами и тощими бумажниками? По инстанциям бегать, чинушам что-то доказывать? Морду садисту-воспитателю набить? Так еще кто кому набьет... Не-е-е, объединиться мало! Надо еще кое-чем обладать. Не деньгами, не стволами, не связями – все это придет потом, это вторично. Нужно главное. Нужно вслушаться в себя, найти в себе Музыку, научиться жить согласно неслышимой мелодии, надо войти в резонанс с Высокой Изначальной Струной. И тогда уже не мы делаем – она, Струна, творит через нас свою волю, а воля ее – добро и свет.

Я едва удержался, чтоб не присвистнуть... Мгновенный переход от ясной, вменяемой речи к мистическому бреду! Явная клиника... Правда, не походил Кузьмич на свихнувшегося фанатика, а еще меньше походил на него Женя. Да и раньше звучали такие фразочки: «милосердие Высокой Струны», «справедливость Высокой Струны», «воля Высокой Струны»... Всякие там Тональности, Резонансы, Вибрации... Неужели здесь что-то большее, чем просто поэтическая атрибутика?

– Так вот, – продолжал Кузьмич, – Высокая Струна прозвенела в нас и дала нам часть своей силы. И дает, но лишь когда мы, отрешившись от всей грязи и бессмыслицы этого мира, творим добро, творим дела милосердия...

Гм... Расплывающиеся кляксы на лунном поле, посвист девятиграммовых птичек... Нечто, попавшее в луч фонаря, похожее на футбольный мяч, но не бывает у мячей волос, и железных зубов не бывает, и снег под ними не становится бурым...

– Мы не стремимся к власти, – каким-то даже скучным тоном сообщил Аркадий Кузьмич, – не рвемся на политический Олимп. Зачем нам это? Утверждение, будто сменой режима можно улучшить людскую жизнь, – это ложь, и опасная ложь. Пытаясь взять власть, мы породили бы лишь очередную кровавую смуту, от которой всем будет плохо, но в первую очередь – детям. Пойдя по такому революционному пути, мы разорвали бы в себе незримые нити, соединяющие нас с Высокой Струной. Да, не стану скрывать, были среди нас горячие головы, ищущие легких решений, опьяненные первыми успехами. Но Главному Хранителю хватило мудрости вовремя остановить нетерпеливых. У нас есть свое дело, и мы его будем делать при любой власти, при любом режиме. И еще – власть составляют люди. А с людьми, как бы высоко они ни сидели, «Струна», чаще всего, договорится. Не враги же они самим себе... К тому же многие из них, людей власти, вполне способны проникнуться нашими идеями, посылно содействовать нам. Собственно, и официальная наша вывеска, «Федеральный фонд», создана при помощи некоторых вменяемых господ-парламентариев. Или взять тот же пример с казино – зачем применять высокие и тайные пути, когда можно сделать пару телефонных звонков?

Я слушал, моргал и время от времени кивал головой. Что мне еще оставалось? Как иначе скрыл бы я страх – а мне сейчас и впрямь было страшно. В этом уютном кабинете с развешанными гитарами и скрипками, с говорливым Кузьмичом мне было куда страшнее, чем тогда, в пронизанном напряженной тишиной Мраморном зале. И даже страшнее, чем на лунном поле. С каждым словом Хранителя страх сгущался, цепкими коготками щекотал горло, отдавался в ушах едва слышным звоном.

Да, сейчас я был в безопасности, никто не грозил мне, напротив, нечеловеческая сила, о которой соловьем разливался Кузьмич, явно собиралась взять меня под свое крыло. Только вот стоит ли совать туда голову? В Мраморном зале я понимал, что дело идет к смертному приговору. Сейчас, похоже, дело идет к чему-то пострашнее. Впрочем, уже поздно выбирать, развилка осталась позади. На лунном поле, на залитой тьмой стройплощадке, на заснеженной насыпи...

– И потому вы, Константин Антонович, соприкоснувшись с нашей жизнью, узнав правду о Высокой Струне, о нашем деле, должны сейчас решить – с нами ли вы. Войдете ли вы в Резонанс со Струной, предпочтете ли тусклую обыденную жизнь. Реализуйте же вашу свободу, скажите слово, которое станет завершающей точкой.

Гм... Не нравились мне эти слова о завершающей точке. Что-то похожее уже приходилось слышать совсем недавно. *Точку ставить будем, Костян! Над буквой «i»*. А потом тяжелый грохот товарняка, острый луч рассекающего сумерки фонаря...

Впрочем, сейчас не до лирики. Похоже, от меня ждут каких-то слов, и тянуть больше нельзя. А не встать ли сейчас, не сказать ли, гордо откинув голову: «Мне не по пути с бандитами!»?

– Да чего решать? Все уже решено, – голос мой звучал на удивление спокойно, даже слегка суховато. – «Струна» делает правильные вещи. Я принимаю ее умом и сердцем, хочу внести свой вклад...

В памяти тяжело шевелились какие-то давние, заплесневевшие слова... Кажется, это из «торжественного обещания»... или нет, это я заявление о приеме в комсомол так писал. «Хочу участвовать в передовых рядах». Переписывать ведь заставляли, блюстители орфографии... Ругались – казенный бланк испоганил, неуч...

– Другого мы и не ждали! – весело ответил Кузьмич. Лысина его засверкала еще ярче, он неуловимым движением выскользнул из кресла и принялся восторженно трясти мою руку. Ладонь его, надо заметить, оказалась на удивление крепкой.

– Остались формальности, – сообщил он наконец, потеряв вдруг всякий интерес к моей кисти. – Во-первых, заявление подписать. Это мы сейчас, это мы быстро. А во-вторых, и это главное, надо пройти некий... ну, скажем, ритуал. Как бы зримо зафиксировать свою причастность... Скажем, сегодня вечером... а лучше где-то около полуночи. Вечерком мы в «Дороге» посидим, отметим, так сказать, событие... Да вот тут, вот тут распишитесь, Константин Антонович.

Передо мной внезапно оказалась раскрыта огромная кожаная папка, а в пальцы мне Женья пихал толстую авторучку. Ого, а перо-то, кажется, золотое!

– Ну не кровью же, – понимающе усмехнулся Женья. – И не как в ведомости на аванс.

Я взгляделся в плотный, синевато-белый лист. Текст, набранный затейливым, в мелких завитушках шрифтом был не слишком обилен. Несколько строк, не больше. Только вот почему-то мне никак не удавалось прочесть их. Каждая буква сама по себе выглядела привычно, но вместе... Текст плыл у меня перед глазами, прыгал и переливался, точно воздух между мною и листом бумаги был затянут радужной пленкой. Не хотели слова складываться во что-то единое – стоило лишь взглянуть в них пристальнее, они разбегались, оборачивались тонкими крысиными хвостиками.

А, ладно! Какая разница, что здесь написано? Моя жизнь все равно ведь зависит не от этих завитушек.

Внизу страницы я, плотно надавливая на перо, оставил стилизованную букву «К». Хорошо, что здесь я назвался родным именем. Не пришлось на ходу изобретать себе новую подпись. А то ведь с этих станется... На любой мелочи можно погореть.

– Прекрасно, прекрасно! – проворковал Кузьмич, убирая куда-то папку с моим автографом. – В вашем лице, Константин Антонович, мы, несомненно, приобрели ценного сотрудника, а главное – единомышленника. Есть мнение, что это дело стоит завершить водной процедурой.

Подскочив к мраморной стене, Кузьмич ткнул в нее пальцем – и сейчас же испещренная розоватыми прожилками панель отъехала вбок, являя нам темное углубление. Миг – и из потайной ниши Кузьмич извлек пузатую темную бутылку и три хрустальные рюмочки, которые он тут же водрузил на невесть откуда взявшийся поднос.

– Рекомендую! Настоящий анхмарсанский коньяк, пятнадцатилетняя выдержка, коллекционный экземпляр, в магазине вам такого не предложат.

Не дожидаясь указаний, Женя ловко свинтил бутылке крышку и разлил по рюмкам искрящийся в электрическом свете янтарный напиток. Нежный пряный аромат ударил мне в ноздри.

– Ну, за вступление! – шевеля бусинками зрачков, возгласил Кузьмич. – За наше общее дело!

Мы чокнулись высокими рюмками. Прозрачный звон поплыл по кабинету, задел серебристые струны гитар, и те отозвались едва слышным рокотом.

– И чтобы нам звенеть, как этот благородный хрусталь! – добавил Женя.

Следовало что-то произнести и мне.

– За *Истинную Музыку*! – слова сами собой сорвались с моих губ. Странные слова, будто и не совсем мои. Но углубляться в это не хотелось, и я пригубил отливающую медом жидкость.

Лучшего я никогда и не пил! Неземной, запредельный букет, растворенная в золоте мелодия, дыхание степных трав под ласковым солнцем, песня ястреба, зависшего неподвижной точкой в белесом от жара небе, готового стремительной молнией низринуться вниз...

– Ну а вечером – в баре, с народом! – напомнил забравшийся в свое монументальное кресло Кузьмич. – А пока не смею вас задерживать, друзья. Вас ждут великие дела! Да пребудет с вами Вибрация Высокой Струны...

Вибрация и впрямь ощущалась. Какое-то время.

6

Народу было немного, человек десять от силы. Оно и хорошо – не люблю огромных соборщ. К тому же большая толпа сама собой распадается на мелкие островки, на разных концах стола долдонят о чем-то своем, и отдельные, несвязанные речи со стороны кажутся монотонным, размеренным гулом – так волны уныло и обреченно накатываются на холодный океанский берег.

Но здесь все по-другому. Бар «На дороге» и сам-то не особо велик, да и народу на нашей базе куда меньше, чем казалось мне поначалу. К тому же кто на задании сейчас, а кто, умаявшись после оногo, дрыхнет на общежитской койке.

Вокруг сидели только те, кого я уже успел более-менее узнать, – Женя, Миха с Шурой, мрачный Гена – Дед Мороз, строгая девушка Валя, убежденная трезвенница... И разумеется, шеф. Кузьмич. Хранитель. Как потом уточнил Женя, его титул – Старший Хранитель по региону.

Кроме нас, лишь двое огромных парней сидели за дальним столом, не спеша потягивали темное пиво, негромко толковали о своем. Да еще бармен, старый бородатый Боксис, колдовал над чем-то за стойкой.

Бревенчатые стены навевали забытые дачные воспоминания. И хотя я понимал, что янтарные прожилки волокон, сучки и трещинки – не более чем пластик, искусно изготовленная декорация, все же иллюзия не развеивалась.

Развешанные по стенам медные бра давали достаточно света, чтобы видеть всё, что нужно, и в то же время здесь была уютная, домашняя полутьма. Вдобавок еще и музыка, негромко льющаяся из скрытых под потолком динамиков, приходилась как нельзя кстати. Гитарная классика, конец прошлого века. Наверняка Иванова-Крамского. Потом стоит у Боксиса поинтересоваться диском.

– А вот еще был у меня случай, – зевая, сообщил Миха. – Года полтора назад или два... Нет, полтора, это летом было. Ездили мы по вызову в деревню одну, в Комарской области.

– Это когда ты еще в Лагутине служил? – спросила Валя.

– Ага, мой первый год в «Струне». Ну вот, я же говорю – лето в разгаре, июль, жара обалденная. В такую жару вообще надо из речки не вылезать.

– А уж без холодного пивка – вообще гибель! – растягивая гласные, добавил Кузьмич. После пятой кружки он был слегка рассеян.

– А то! – кивнул Миха. – Но какое там пиво – глухая деревня, ближайший магазин в пяти километрах. Пятеро бабок, трое алкашей – вот, считай, и все население. Ну, летом, понятно, дачники. Один из них, кстати, и сигнализировал нашим. Насчет этого, блин, фермера.

– А, «комарские бомжата», что ли? – хмуро поинтересовался Женя.

– Они самые. Стандартный случай.

Я оторвался от изучения внутренностей кружки. Видно, близок тот рубеж, когда надо сделать перерыв. Иначе количество перейдет в совершенно ненужное качество.

– Ребят, мне бы объяснили, розовому и наивному. Что это за стандартный такой случай и какая тут связь?

– Да просто все, как пять копеек, – зло ухмыльнулся Миха. – Фермер – это такой, знаешь ли, овощ... Ему же рабсила нужна, особенно когда техникой ни фига не сделаешь. Прополка там, улиток собирать, то, сё... Нанять кого – жаба душит, да и дураков нет – работа кропотливая, плата грошовая. В общем, едет такой дядька до ближайшего города с вокзалом, там, на вокзалах, ясное дело, пацанье бездомное крутится. Ну, он им баки заливает, райское житье, то, сё... Привозит в свое, значит, поместье. И натуральное рабовладение получается.

За миску супа детишки весь день корячатся. А на ночь их в сарай запирают. Да и псы, овчарки горные... Не особо побегаешь – разорвут. А вкалывать на сто процентов приходится, палка у дяденьки тяжелая и суковатая... Или чего похуже. Вот в Залесье, говорят, был один жирный хрен, так тот вообще не лупил – он в погреб с крысами на ночь запирал. Одну девчушку до смерти изгрызли. Когда ребята приехали, увидели такое дело, так они и на инструкцию плюнули, и на устав... Плохо мужичок помер, в общем. Как говорится, «несчастный случай в виду обстоятельств непреодолимой силы». – Миха замолчал, основательно приложившись к кружке.

– Что, Константин Антонович, не слышал о таком? – вклинился в возникшую было паузу Кузьмич. – Вот смотри, живут люди и, пока все у них хорошо, о разных таких пакостях ни сном ни духом. А между тем дряни вокруг... Ты слушай, слушай, мотай на ус. Вскоре сам с таким разбираться будешь. Впрочем, одному упырю ты уже нос откусил. Теперь можешь звездочки рисовать на фюзеляже.

– Колян, тот вообще наколки на груди предпочитал, – усмехнулся вдруг молчаливый Дед Мороз. – В виде морских звезд.

– Хороший человек был, – кивнул Кузьмич. – Темный, правда, никакой культуры... Но душевный и правильный... Ладно, ты продолжай, Мишель...

– Да я же говорю – стандартный случай... – пробасил Миха. – Ничего интересного. Работы на десять минут. Ну, пришли. Вечер такой, блин... насыщенный. Луна светит, звезды там, запахи... Ну, забор перескочили, собачек порезали, чтобы под ногами не путались. Нас тогда трое было, еще Лешка Подколзин и Паша Свинченко. Выбегает этот... латифундист плешивый... Ну, мы ему: «Здравствуй, дядя Федор. Мы, блин, к тебе с чисто дружеским визитом». Он – бочком-бочком, и в дом шныряет, а обратно уже с обрезом прет. Типа крутой. Ладно, отобрали мы обрез, дали по лысине, привязали к яблоньке. Потом с инспекцией по всей фазенде. Нашли, ясное дело. В дровяном сарае. Четверо пацанят и девчонка. Всем лет по десять примерно. Так этот змей их мало что запер, еще и на цепь... Такую, знаете ли, типа колодезной.

– И что потом? – угрюмо поинтересовался я, чувствуя, что стоит налить по новой. Цепь, значит... Урод...

– Да чего потом? – удивился Миха. – Потом уже следствие работало.

– Прокуратура? – уточнил я.

– Сам ты прокуратура, – снисходительно протянул Миха. – Наше, говорю, следствие – «Струны». Наша б воля, мы бы там керосинчиком пшикнули – и спичечку... Но нельзя. В общем, дядю Федю сдали в следственный отдел. Хотя что там расследовать, ежику все понятно. Дня два с ним следаки повозились – и в Трибунал. А дальше ясно, дальше Коридором Прощения – и на свалку. И правильно мы тогда удержались, не пожгли хозяйство. Там ведь на хорошую сумму всего было. Ну, этим уже финансовая часть занималась. Успешно, говорят, продали...

– А дети-то как же? – снова проявил я свою желторотость.

– Да как обычно, – развел руками Миха. – Сперва в наш областной распределитель, а там уж разобрались с ними. У одного из ребятишек родители нашлись – просто, паршивец, из дому удрал, приключений, значит, захотелось на свою задницу. Сделали ему внушение и с рук на руки передали... С остальными хуже. Там и родители такие, что лучше б и не было, и сами детишки больные. Девчоночка, к примеру, была уже с полным букетом венерических... Так что в колонию пришлось...

– За что ж таких маленьких? – я удивленно взглянул на Миху. – Они разве ж виноваты?

– Да ты что? – хлопнул меня по плечу Женя. – Тебя что, Костян, птичка «перепил» клюнула? Мы же не про ту колонию, что ты подумал. У нас, к твоему сведению, есть собственная система детских учреждений... короче, типа летнего лагеря, только круглогодич-

ные. Называются «учебно-воспитательные приюты». Вот Валю поспрошай, – кивнул он на строгую девушку, потягивавшую апельсиновый сок, – она там три года отработала, в Борисовской области. Эксперт, можно сказать. Или тот же Севка, я ж его всего полгода как из приюта взял.

«Чтобы маньяков на живца ловить?» – едва сдержал я готовые сорваться слова. Спокойно, Костя, спокойно. Не забывай, что ты теперь Ковылев, да к тому же и Антонович. Следи за собой, будь осторожен...

– А чего Севка? – расслаблено протянул я.

– А того, – погрустнел Женя. – Ему одиннадцати еще нет, а так его жизнью переехало... То, что он тебе в городе, в подвале тогда говорил – это же правда. Только не вся. На самом деле всё гораздо хуже. Он ведь наркоманом был, Костя, когда в приют наш попал. Торчком. Причем там история такая, что и говорить тошно. Три года его лечили. Можно сказать, повезло ему, что с нами встретился. Тогда ведь у нас и приютов было всего-ничего, и людей... Но главное, ты просекаешь – семилетний наркоман? Ладно, саму тягу сняли, Струна прозвучала. Так ведь болезней у него всяких... А наши целители тоже не боги... Да там еще и с психикой... Не может жить в коллективе, ну совсем не может. Невроз на неврое. Пришлось забирать на индивидуальный контроль.

– Но вы не думайте, Костя, – решительно вклинилась в разговор Валя, – у нас очень хорошие приюты, там атмосфера гуманизма, там работают лучшие наши специалисты. Дети там буквально расцветают...

– И кстати, Константин Антоныч, еще такой момент, – протянул доселе молчавший Кузьмич. – Имущество того фермера изъяли, озеленили – и детям этим на сберкнижку. Ну, не все, конечно, но солидную долю. Счет расти будет, а выдадим к совершеннолетию.

– А если банк лопнет? – грустно усмехнулся я.

– Наши банки не лопаются, Костя, – наставительно сказал Кузьмич. – Другие могут, у других всякие кризисы, а у нас – нет. Мы ж «Струна»... Так что не волнуйся за ребятшек. Не с пустыми руками в мир выйдут. Ибо недаром сей дядя Федя преумножал богатство несправедное. В конечном счете оно оказалось во благо... Ох, непросто колеблется Струна, непросто. А не налить ли нам? – добавил он без всякого перехода. – Почему внутри пусто? Боксис, ау!

Старик Боксис уже спешил к нам с уставленным кружками подносом.

– Вот и я смотрю, – скрипуче процедил он, выгружая содержимое подноса на стол. – Вы чего сюда пришли, пиво пить или языки чесать? Слушаю вас, слушаю, и хочется взять большую палку. Для приведения ума в надлежащее состояние. Короче, всем веселиться! – велел старик и убрел к себе за стойку.

– Серьезный человек, – кивнул ему вслед Кузьмич. – Старая гвардия, у самых истоков стоял. С ним шутки плохи.

Мы сдвинули кружки.

– Так к чему ты это, Миха, начал? – спустя пару минут спросил Женя. – Ты же о чем-то рассказать хотел, ведь не про фермера же?

– Угу, – грызя соленый сухарик, откликнулся Миха. – Просто все интересное дальше было. Как мы ханурика и детишек сдали, нам начальство говорит: неделю дополнительного отпуска, блин, все равно тихая пора, сигналов нет... Но чтобы тихо все, без безобразий. Короче, мы так пораскинули – речка тут есть, пивом немерено закупились, лес, ягоды, грибы, серьезный продукт в магазине всегда имеется. В общем, решили там и расслабиться... И вот...

Наклонившись к моему уху, Кузьмич неожиданно трезвым голосом шепнул:

– Костя, больше не пейте. Нам скоро предстоит идти... Помните, надеюсь?

Я молча кивнул. Тут и рад бы, да не забудешь.

7

Казалось, лестница никогда не кончится. Составленная из решетчатых стальных пластин, скрепленных стальными же стержнями, она змеилась вниз унылой спиралью – не иначе как к самому центру Земли. Не люблю винтовых лестниц, они крадут пространство, и путь кажется бессмысленным. Не разобрать – то ли идешь, то ли топчешься на месте.

У меня неплохое чувство времени, все-таки опыт преподавания что-то да значит. Но сейчас это чувство напрочь отказало, я не понимал, пять минут прошло или час. Затуманенная пивом голова слегка кружилась, и предметы потеряли четкость очертаний, размазались, как на плохой фотографии. Страшно было подумать, как мы, совершив положенное, будем подниматься вверх. Тоже мне – могущественная структура, тайная ложа... Лифта устроить не могли.

– Что, и в самом деле нет лифта? – повернулся я к шагавшему чуть выше Кузьмичу. Однако ответил не он, а мерно топавший впереди Женья:

– Здесь нет. Не положено.

Что-то странное творилось тут с акустикой, слова, сказанные вроде бы и негромко, многократным эхом отражались от сложенных из грубого, необработанного камня стен.

Кузьмич заметил:

– Не разговаривай сейчас, не надо. Твой путь уже начался, Приходящий.

«Приходящий»? Как интересно. Всего четыре месяца назад меня называли «Уходящим». И тогдашний путь тоже казался бесконечным, и те же странности творились со временем.

Что ж, ритуал так ритуал. Хочется взрослым дядькам играть в детские игры – ладно, подыграю. Всю жизнь я смеялся над человеческой тягой к мистике. Особенно в последние годы, когда ранее запрещенное стало не только разрешено, но и как бы рекомендовано, книжные лотки заиграли цветовой гаммой оккультистики в супере, вчерашние атеисты, наспех осеняя себя крестным знаменем, кинулись жечь свечки по храмам... Смешно и грустно глядеть на торжество человеческой глупости – такой разительный контраст с моей родной математикой. Негде было угнездиться иррациональному в формуле остатка сходящегося ряда, в понятии интеграла Лебега или в гордо вознесшемся графике тангенса.

Моих новых знакомых, выходит, тоже коснулось поветрие. Струна, которой они поклоняются, точно Богу... таинственные намеки на некие сверхвозможности... Радость служения Великой Истине... они так и лучатся Светом.

Впрочем, что Женья, что Кузьмич на восторженных фанатов смахивали мало. Вот Трибунал – там да, там колыхание белых риз, неизреченные глаголы... И еще – Музыка. Непонятная, невозможная, выворачивающая наизнанку мир. Слово Струны, значит. Это – было? Ну, тут объяснение простое – после допросов еще и не такое пригрезится. Когда тебя долго, методично, без какой-либо злости и даже с некоторой ленцой лупят бамбуковой тростью по голове, много финала и ждать не стоит.

Ну ладно, Мраморный зал примем за глюк. А еще была снежная насыпь, лязгающий, словно нож гильотины, поезд. И снова из каких-то темных глубин выплыла эта музыка, невозможная и нереальная. Ее и музыкой-то назвать сложно. Ни мелодии в привычном смысле, ни ритма... Но все-таки музыка. Тоже глюк? Но тогда я был вполне здоров, меня две недели откармливали, точно спасенного из нацистского лагеря узника, надо мною хлопотали здешние врачи: и необъятный, смахивающий на индийского слоноголового бога Ганешу Степан Александрович, чьи похожие на сардельки пальцы поражали ювелирной точностью; и веселая, разбитная Виктория («Просто Виктория! Без отчества, Костя, без отчества! А то

обижусь!)), при виде которой даже смешно и неловко было за свои болячки... Обременять прекрасную женщину такой ерундой...

Кстати, на ноги меня поставили быстро, даже фантастически быстро. В обычной больнице я бы с искореженной ногой пару месяцев провалялся... Или я и в самом деле слегка подвинулся после следственных процедур?

Бессмысленных, нелогичных... Всё, что только можно, черные маски выжали из меня в самом начале, но деловито продолжали обработку, словно надеясь на какое-то глубочайшее откровение. А может, развлекались просто?

Интересно, способны ли здешние ребята так развлекаться? Вот тот же благоприобретенный друг Женя – мог бы он, укрывшись под черной маской, взять в руки бамбуковую палку? Макал бы в мутную, вонючую жижу, держа мою голову за волосы? Причем на руке – предусмотрительно надетая резиновая перчатка...

О чем это я? Здешний народ, конечно, безгрешен, но нормальные ведь все люди! Эти черную маску не наденут. Хотя тоже «Струна». Под одну музыку балдеют...

А ведь слабая тень этих звуков коснулась уже и меня – в кабинете Кузьмича, когда пили коньяк. И еще странность – как это я не смог прочитать текст, под которым оставил подпись? Чтобы я, придирчивый и осторожный я, подписывал бумаги не читая? Да никогда! Но факт остается фактом – текст от меня попросту спрятался. Точно так же, как в Мраморном зале – лица членов Трибунала. Точно невидимую пленку повесили... Прозрачную – и в то же время искажающую...

Наверное, и этому есть объяснение. Пусть не лежащее на поверхности, пусть цепочка причин и следствий прячется во тьме, но ни к чему умножать сущности.

Вот и случай с телефоном при желании тоже тянет на магические заморочки, хотя, если вдуматься, все довольно рационально. А хорош бы я был, поверь в чудо... А может, зря не поверил?

...Август, теплый и сухой август, последний осколок разбившегося лета. Солнце, бесконечно сползающее к изрезанному зубьями крыш горизонту. Золотисто-оранжевое, точно очищенный, налитый соком апельсин. Чуть слышный лязг трамвая за окном, звуки чьего-то телевизора... Я, разомлевший от жаркого, полного беготни и суеты дня, лежу на диване, опустошив упаковку мягкого пива «Хольстен» и погрузившись в новый роман Сомова. Родители блаженствуют на даче, я же отдыхаю и от них, и от осточертевшего сельского хозяйства.

Правда, через неделю мне выходить из отпуска, а значит, нужно наваять нечто вроде перспективного планирования, тематического планирования, обновить арсенал заданий на карточках... Это все действительно надо делать, но не сегодня, а завтра. Или послезавтра. А сегодня я погружаюсь в обманчивую, невинную и жестокую виртуальность, где люди меняются местами со своими электронными двойниками, где врут зеркала, а сделанные детским карандашом наброски говорят правду – слишком страшную, чтобы ее смогли и захотели понять. Правду, которая может многое: превращать изображение в оригинал, отменять физические законы и создавать красоту из пустоты. Одного она не может – защитить себя...

Я лежу на диване, и рядом, на столе, красный телефонный аппарат. Толку от него, как от пьяного ежика, – третий день авария на линии, и, судя по всему, чинить не торопятся, люди же еще в отпусках.

А потом аппарат взрывается непривычно низким, мрачным гудком. Я подскакиваю, книжка летит на пол, почему-то я все никак не могу схватить трубку, хотя она рядом – руку протянуть... И что-то обрывается внутри, становится зябко, а телефон трезвонит, и это даже не звон, это рычание, хищное, голодное...

– Я слушаю! Алло! – кричу я в трескучую тишину.

– Костя? – слышится скучный, совершенно незнакомый голос. – Плохо ты себя ведешь, Костя... Тебя предупредили по-хорошему, гуманно... А толку? Ты трубочку-то не клади, ты послушай. Ты когда конвертик наш получил? Правильно, в июне. А сейчас что? Угу, август. Два месяца ты думал, да, видать, ничего не надумал. Где твое заявление?

– Кто это? С кем имею честь? – я пытаюсь говорить жестко и уверенно, но выходит лишь сдавленный писк.

– Чести ты не имеешь, Демидов, – усмеваются в трубке. – Но, вдобавок, не имеешь еще и мозгов. Короче, если до конца недели не увольняешься и не платишь положенный штраф, будет плохо. Звонить больше не станем. Только вот с родителями попрощаться не забудь... Все, Демидов, салют! Конец связи.

И короткие гудки – острыми иглами в ухо.

Несколько минут я тупо сижу на полу. Потом резко хватаю брошенную на рычаг трубку. Там ватная тишина. Ни шороха, ни писка. Авария, линия обесточена... И мне, наверное, почудилось... Только вот валяется на паркетном полу книга, страницы смялись, а солнце за окном еще висит, еще лижет огненным краем горизонт. И веет легким ветерком от раскрытой двери балкона... Вьется под потолком, зудит одинокий комар...

Значит, до конца недели? Увольняйся, значит, гони три штуки зеленых? Как же! Разбежались!

Я встаю, поднимаю пострадавшую книгу, отряхиваю от возможной пыли страницы. Включаю настенное бра – в комнате стало слишком темно... Выдергиваю телефонный шнур из розетки – просто так, сорвать злость. Какая теперь разница?

Ну и как прикажете сие понимать? Такого не может быть, потому что не может быть никогда? Выбросить из головы? Нет, применяем бритву Оккама¹. Отстаиваем рациональную картину мира. Ну, телефонный звонок, хотя линия обесточена. А что значит – обесточена? Это значит, что ведутся восстановительные работы. Кем ведутся? Правильно, людьми. В том числе и заинтересованными. Наверняка у этих бандюг имеется свой человек на АТС. На пару минут подключился, позвонил, нагадил в трубку – и снова отключил питание. Или более изощренный вариант. Техника, воздействующая на неподключенный аппарат. Какое-нибудь пульсирующее электромагнитное поле генерится... Если и фантастика, то ближнего прицела. Говорят, спецслужбы такое уже применяют.

Да, все объяснимо. Если найти объяснение... Наверняка и Вибрация Великой Струны – тоже какая-то секретная разработка типа инфразвуковых излучателей с тщательно подобранными параметрами. Создается гипнотический эффект и...

– Стой! – раздался приглушенный голос Жени. – Пришли.

– Сейчас тихо! – шепнул одобравшийся сзади Кузьмич. – Сейчас ни одного слова, кроме как по моей команде.

Перед нами – массивная железная дверь. Замочной скважины в ней не видно. Впрочем, несложно догадаться, что такие двери запираются иначе.

Кузьмич, вывернувшись из-за моего плеча, подошел к двери, несколько секунд стоял неподвижно, затем извлек откуда-то маленькую деревянную дудочку. Потом обернулся к нам, предостерегающе поднял палец – и заиграл. Вот уж не думал я, что из дешевой игрушки можно извлекать такую чистую, прозрачную мелодию.

Спустя секунду-другую дверь беззвучно дрогнула и поползла в сторону. Открылся темный проем, дохнуло холодом.

– Сюда! – глазами показал Кузьмич.

¹ «Не умножайте сущностей без необходимости» – фраза философа Уильяма Оккама (1280–1347). Ее смысл – не объяснять непонятное через непонятное.

И мы шагнули в плотную, густую тьму.

Сперва ничего не было. Потом, медленно и словно нехотя начал разгораться свет. Сначала едва заметное зеленоватое фосфоресцирующее мерцание, точно от гниющего дерева, потом пляска лазурных огней перед глазами, клочья лилового тумана, пронизанные яркими голубыми лучами, – и вот уже все видно как днем.

Оглядевшись, я беззвучно охнул.

Мы стояли в Мраморном зале. Те же черно-зеленые, в узких прожилках стены, те же дуги люминесцентных ламп, тот же расчерченный на метровые квадраты пол. Разве что не было молчаливых людей в лазоревом и не стоял на возвышении судейский стол. Зато, как и в прошлый раз, опрокидывалась с потолка острая пирамида-метроном, и сухие четкие удары разрезали застывший холодный воздух.

Но было и новшество. Тонкая колонна, вырастая из пола, уходила в полутьму потолка и терялась там. Впрочем, слишком уж тонка эта колонна. Не толще каната. Не сравню с корабельным, не доводилось видеть, но в любом спортивном зале есть такой же.

От колонны исходил слабый, но все-таки заметный свет. Голубовато-лазоревое сияние, некая полупрозрачная дымка. Странная, совершенно неуместная аналогия пришла мне в голову – бледная поганка на длинной тонкой ножке, настолько длинной, что и шляпки не видать, теряется на фоне потолка. Или сам потолок и есть шляпка чудовищного гриба?

– Мы пришли! – медленно проговорил Кузьмич. Тяжелые слова, точно гири, падали на черно-зеленый пол. – Мы пришли, и с нами – Приходящий, взыскующий твоей музыки, Струна. Он отрекся от зла и суеты внешнего мира, просты его слова и чисты намерения. За его плечами исполненный скорбей путь, но сердце горит светлым пламенем любви. Мы, недостойные твои служители, рассудив по-земному, приняли решение. Но что наши мысли пред твоей волей, Струна? Скажи свое слово, прими этого человека либо угаси его свет, наполнив последней тишиной.

Он замолчал, но эхо его слов долго еще кружилось по залу, отражаясь от слепых стен, вплетаясь сухой травой в размеренное шелканье метронома.

Потом Кузьмич обернулся ко мне:

– Гляди, Приходящий. Ты в зале Испытания, Великая Струна слышит тебя. Та, чьи Вибрации порождают жизнь, свет, радость. Та, благодаря которой существует и наш мир, и множество других, звучащих в иных Тональностях. Сейчас Струна заглянет в твою душу, выпитает твою сущность и изречет слово. Знай – у тебя есть еще возможность повернуться и уйти. Ибо, если Струна найдет в тебе скрытую тьму, ты не выйдешь из этого зала. Тело твое умрет, застынет горой праха, а душа отправится в басовые Тональности, в темные миры Искупления. Если же Струна найдет в тебе свет, она прозвенит, – и с той минуты ты полностью с нами. Решайся же, Приходящий.

Интересно, что же конкретно от меня ожидают? Я бы спросил, да Кузьмич сам не велел рта открывать. Оставалось лишь растерянно моргать.

– Если ты готов довериться воле Струны, просто подойди к ней и коснись рукой. Струна скажет свое слово – и либо зазвучит в тебе, либо...

Кузьмич замолчал. Оба они с Женей испытующе посмотрели на меня.

А что тут, собственно говоря, решать? Убьет ли меня эта самая штука, еще неизвестно, а вот отказаться – значит поставить на себе крест. Ажурный такой металлический крест на могилку. Хотя, разумеется, не будет ни того, ни другого. Утилизируют биомассу.

Может, человека с улицы они и отпустили бы восвояси, настрого запретив рассказывать о Струне. Но я – не с улицы, новые друзья вцепятся в меня по-бульдोजьи, заново шерстят всю мою легенду – и расползется она гнилыми нитками... Трудно, что ли, затребовать из Дальнегорска все материалы по Косте Ковылеву? Наверняка найдется и что-то написанное его рукой, и какие-нибудь снимки, да и просто знавшие его люди. Смешно

думать, что в Дальнегорске у «Струны» нет своего отделения. Тоже детей защищают от взрослой жестокости...

Только вот Костиных девочек почему-то не спасли. И десятки тысяч таких вот девочек и мальчиков, погибших при бомбежке, застреленных в «акциях умиротворения», да и просто умерших от голода и холода...

В конце концов, должна же у них быть картотека разыскиваемых врагов? С фотографиями, графологическими образцами, записями голоса и отпечатками пальцев. Ведь не могли они прекратить поиски. Такое ж дело – исчезло тело... Чудо, что до сих пор меня не раскрыли. Неужели замкнуло что-то в их чудовищной системе?

В общем, хуже не будет. Как говорится, «чего тут думать? Наливай да пей».

Я кивнул Кузьмичу с Женей и медленно пошел в глубь зала, к тонкой колонне-поганке...

Идти почему-то было чем дальше, тем труднее. Воздух заметно уплотнился, я не чувствовал ветра, но какая-то огромная невидимая ладонь тормозила меня, и вскоре мне почудилось, будто я иду по горло в воде, движения мои легки и плавны, но скорость черепашня, ноги способны делать лишь крошечные шажки, а быстрее никак не получается.

К тому же стали твориться чудеса с освещением. Нет, никуда не делись лампы со стен, но свет их простирался едва ли на метр, стены виднелись ясно, а вот всю сердцевину зала точно заволокло темным облаком. Я с трудом различал свои руки и ноги, а оглянувшись назад, вообще не увидел Женю с Кузьмичом, их силуэты размыло нахлынувшей тьмой. Зато колонна-Струна с каждым шагом светилась все ярче, голубоватое сияние набирало силу, слегка пульсировало и, если меня не подводили глаза, тянулось ко мне. Струна явно меня почуяла – и встrepенулась, точно гигантское хищное растение.

А в довершение всего тишина сменилась негромким рокотом, сначала напоминающим шум бьющихся о парашют волн, но затем рокот стал тяжелее и громче, заглушая даже щелканье метронома. Если в первый момент звук можно было списать на шум крови в ушах, то сейчас я понимал: гудела сама Струна. И с каждым моим шагом гудела она тоньше и жалобней. Постепенно стоны ее превратились в музыку, ту странную музыку без мелодии и ритма, музыку, которая нарушала все каноны, выворачивала наизнанку всё, что только возможно, и даже то, что нельзя.

Пространство раздвинулось, время растянулось бесконечно упругой резиной, не было уже ни Мраморного зала, ни пола, ни потолка, над головой плыли звезды, которым нисколько не мешало жгучее злое солнце, под ногами без всякого ветра колыхалась жесткая рыжая трава, огромные тени вставали и справа, и слева – не то далекие горы, не то наклонившиеся надо мной, готовые стереть в порошок исполины. А впереди, у бесконечно далекого горизонта, высилась лазоревая колонна, уходящая в черное небо и исчезающая в нем круглым голубым облаком. Грибовидным, разумеется.

Похоже, в этом мире не было воздуха, я пробовал вдохнуть – и не мог. Но это нисколько мне не мешало. Более того, все происходящее казалось естественным, хотя я не забыл ни себя, ни своих обстоятельств, хотя умом понимал, что по-прежнему нахожусь в Мраморном зале, а все *это* – тщательно наведенная галлюцинация.

– Это не галлюцинация! – раздался над ухом высокий, чуть ломающийся голос.

Я резко обернулся.

За моим плечом стоял мальчишка. Лет тринадцати-четырнадцати, рыжеволосый, в желтой застиранной футболке и надорванных под коленями джинсах. На футболке черными, похожими на японские иероглифы буквами было написано: «спроси меня – и я не скажу».

– Это не галлюцинация, Константин Дмитриевич, – повторил мальчишка. – Это хуже, гораздо хуже. Но идти все равно надо.

Я вгляделся в загорелое, усыпанное веснушками лицо. Зеленоватые, глубоко посаженные глаза, прыщик над губой, щербатые зубы, открывшиеся неуверенной улыбкой. Нет, я никогда раньше его не видел, и все же это лицо было мне смутно знакомо.

– А почему надо? – хриплым голосом спросил я, замедляя и без того медленные шаги. – Потому что меня убьют, если вернусь?

– Это не самое страшное, Константин Дмитриевич, – серьезно ответил пацан, приравливаясь к моей скорости. – Зато если вы дойдете до нее, вы можете убить себя. Сами.

– Интересно, как это мы разговариваем, ведь тут нет воздуха? – мне захотелось переключиться на что-нибудь более спокойное.

– У меня нет времени на глупости! – резко оборвал меня мальчишка. – Меня не для того к вам послали, чтобы ласы точить.

– Ты всегда грубишь старшим? – не нашелся я что сказать.

– Нет, только по вторникам, – ухмыльнулся пацан. – Слушайте, у вас есть еще шанс. Остаться собой. Но это очень трудно. Многие пытались – и не смогли. Не смогли захотеть. И тогда она их высасывала...

– Она – это кто?

– Струна, – махнул мальчишка рукой в сторону лазерной колонны.

– И чем же она тебе не нравится? – протянул я иронично. – Живая она, что ли?

– Блин, да ты тупой! – взорвался мальчишка и воспроизвел характерный жест пальцем у виска. – Тоже нашелся поклонничек. Вспомни лунное поле!

– А ты откуда знаешь? – глупо таращась на него, выдавил я.

– Ладно, – вздохнул мальчишка. – Не хотите – как хотите. Думаете, мне легко сюда пройти было? И опять все зря... В общем, я пошел. А вы сами решайте. Только, когда дойдете... вы это... не касайтесь ее. Ни рукой, ничем... Может, и удастся вытянуть... – непонятно произнес он и, резко повернувшись, двинулся назад.

– Постой, – окликнул его я. – Скажи хоть, как тебя звать?

– Да на кой вам? – обернулся пацан. – Меньше знаешь – крепче спишь. И вообще, пора мне...

Он сделал шаг, другой – и вот уже нет на дороге никакого мальчишки, только желтая сухая глина. И все так же соседствуют в небе звезды с солнцем, а впереди раскинулась Струна, она зовет, она тянется ко мне, и надо шагать вперед, к горизонту. Потому что позади – смерть. А впереди, наверное, тоже...

Что было дальше, я просто не запомнил. Черный всплеск, пустота – и вот я сижу на холодном полу, изумленно таращу глаза, и всё кажется необычайно ярким, четким: и линии квадратов, и синеватые лампы, свет которых, как выясняется, способен слепить, и, конечно, замершая в отдалении колонна Струны – та прямо-таки сочится голубоватым сиянием, меркнет на мгновение и тут же вспыхивает, кидает в пространство пучки лазерных молний.

Голова прямо-таки раскалывается, а в ушах звенит, как при высокой температуре. Мышцы болят, словно я целый день долбил ломом вечную мерзлоту или еще как издевался над своим телом.

А самое главное – я не знал, что же случилось после того, как этот непонятно откуда взявшийся мальчишка непонятно куда и делся. Смутно припоминал, как упрямо тащился к горизонту, и с каждым моим шагом Струна делалась ярче, тонкая ножка чудовищного гриба изгибалась в безвоздушной черноте, тянулась ко мне, а потом... Не было никакого «потом». Провал, абсолютное ничто, где ни метров, ни секунд, ни вкуса, ни цвета, там даже и меня, наверное, не было, и единственное, что осталось, – это тупая, саднящая обида.

Ну и что теперь? Струна-то, может, и сказала какое-то слово, только вот я его не услышал. Не удивлюсь, если слово то оказалось нецензурным. Правда, если верить Кузьмичу, неугодных ей Струна просто убивает, а я вроде еще жив. Но не зря же сидит во мне досада

пополам с обидой. Значит, что-то где-то не срослось... Сейчас Женя с Кузьмичом достанут пистолеты...

Женя с Кузьмичом достали – один пластиковый стаканчик, другой – пузатую темную бутылку, с которой мы все трое уже пообщались сегодняшним утром. Вернее, вчерашним – на моих часах половина второго ночи.

– Ну, давай! – до краев набулькал мне в стаканчик Кузьмич. – После этого дела всегда полагается. Как лекарство. Ты сейчас залпом!

Залпом так залпом. Горло обожгло, слезы выступили на глазах, но тут же исчезли под воздействием чудесного напитка. И вновь всколыхнулся во мне запах горячих степных трав, и тот же ястреб в том же небе застыл той же мертвой точкой, и теплая волна прокатилась по желудку...

– Ну, пошли, пошли! – скомандовал Кузьмич, и они с Женей буквально потащили меня к стене, которая тут же отъехала перед нами, явив черный коридор, кончавшийся знакомой уже стальной дверью. На сей дверь была открыта. И вот мы уже на стальной лестнице, дверь, выполнив долг, неслышно задвигается за нами.

Я прислонился к шершавой каменной стене.

– Ну и каковы результаты? – мне не хотелось ждать. В конце концов, самое страшное уже случилось. Или все-таки нет?

– Ну ты дал, мужик! – широко осклабился Женя. – Струна аж полыхнула вся, от пола до потолка. И звон такой, вроде как колокольный... Такое с ней редко бывает.

– Поздравляю, Константин Антонович, – тиснул мою руку довольный Кузьмич. – Высокая Струна вас признала, теперь уже никаких сомнений. Теперь вы полностью наш.

Я кивнул. Не хотелось мне быть чьим-то, хотелось – своим.

– Сейчас, айн момент! – Кузьмич провел пальцем по дикому камню стены, брызнуло сияние невесты откуда возникшей кнопки, а потом тонкой линией света в камнях очертились двери. Створки разъехались в стороны, обнаружив за собой просторный, сверкающий лифт.

– Ну, чего стоишь? – толкнул меня в плечо Женя. – Поехали. Не заниматься же альпинизмом...

– Угу, с меня хватило и спелеологии, – ответил я уже внутри.

Кузьмич надавил неприметную кнопку на серебристой панели, двери сомкнулись, – и нас потащило вверх.

– Зачем же мы спускались, как дикие люди? – не выдержал я.

– Ну как зачем? – усмехнулся Кузьмич. – Так положено по ритуалу. Для приведения чувств в надлежащее состояние. Проще говоря – на горку пешком, с горки на санках. Только наоборот.

Часть вторая. Приструнение

1

Ветер удачи ломится в дверь,
Ветер удачи стучит в стекло,
Эхо вчерашних твоих потерь
Жертвенной кровью на пол стекло...

Я уменьшил громкость. И без того хватало шуму.

– Зачем? – спросил сидевший за рулем Женя. – Надоели «Погорельцы»?

Сам он от этой группы только что не фанател. Вроде бы и взрослый мужик, под тридцать, а словно прыщавый старшекласник.

– Ты сам-то не устал от них? Круглые ж сутки гоняешь. – Я прокашлялся. Все-таки боком вышла мне вчерашняя прогулка под дождиком. Конечно, середина мая – это не стылый ноябрь, но когда, купившись на жару, ты фланируешь по улицам в легкой рубашке... В итоге – катаральные дела. И мелочь вроде, стыдно с таким к слоноподобному доктору Степану Александровичу бегать, а в то же время весьма неудобственно.

– Великое не надоедает, – торжественно изрек Женя, чуть притормаживая и пропуская вперед похожую на бронтозавра тушу фургона-дальнобоя. – Просто отдельные, упертые на классике личности не в силах оценить.

– Зато в силах приглушить, – мрачно отозвался я. – И вообще, отдохни от эстетических переживаний, за дорогой вон лучше смотри. Сверзнемся сейчас в кювет, а после Кузьмич скажет: «Работа, конечно, проделана большая...»

Я и не знал, блуждая во тьме,
Бешеной музыкой ей платя,
Что у больной судьбы на уме
И для чего принесли дитя.

Хоть и негромко, а рваный ритм песни бил по ушам. Нет, не люблю я этих «Погорельцев», хоть у них и осмысленные тексты. Как будто жуткие сюжеты Гоголя проросли в современной реальности. Пускай это и поэзия, но не в моем вкусе. Музыка, правда, неплохая – частью шокирующая, частью заводящая...

– Кстати, прошлым летом я в похожей операции работал, – точно прочтя мои мысли, ухмыльнулся Женя. – Та же фиговина, жертвенная чаша, кремниевые ножи, ну и само собой – ребяенок в саване. Сатанисты, понимаешь.

– Что, и впрямь человеческие жертвы? – присвистнул я. До сих пор о подобном мне доводилось читать лишь в газетах, падких на обжаренных в собственном сале уток.

– А как ты думаешь? – отозвался Женя. – Начинается, конечно, с кошечек-собачек, потом хочется чего-нибудь поострее. И пошло-поехало. Особенно когда вожак у них без тормозов, да еще дурью люди балуются. Короче, это в Ель-Пожарском было, отсюда километров двести. Глухое село, три бабки доживают свое, зато дачники на лето ездят. Там избу купить за копейки можно, добираться, правда, хреново, даже и с машиной. Дорог, сам понимаешь, никаких. Ну вот, там заброшенная церковь есть, вернее, развалины. Как в тридцатых взорвали «пережиток», так и осталось – купол снесло, стены покорежило, но все-таки стоит.

Ну и повадилась туда теплая компашка ездить, в черные мессы по ночам играть. Компашка так, ничего особенного, молодежь сопливая, двадцати нет. Только вот что смешно – заправляла у них бабка. Изрядно так за шестьдесят. Потомственная, блин, гадалка, целительница и всякое такое... Короче, на черной магии у нее крыша поехала.

– А мы тут при чем? – удивился я. – Ну, в смысле, «Струна»?

– Да вроде ни при чем, – вздохнул Женя. – Там же все совершеннолетние, то есть нас как бы и не касается. Дерьмо, конечно, зверюшек мучают... стоило бы шкуру спустить в воспитательных целях... Но все-таки, сам понимаешь, не наш объект. Тем более что и по закону не прикопаешься. Демократия, всяк по-своему с ума сходит. Но вот видишь ли, в деревне дачники летом отдыхают. С детьми, что характерно. И вот как-то пожилая чета идет в лес с корзинками. Рыжиков тьма там. И натываются они на рыхлую такую, свежевскопанную землю, и оттуда, из земли, торчит что-то белое. Мелкий такой краешек. Дедок, надо заметить, попался энергичный, потом с сыном туда пришли, с лопатами... В общем, детский трупик. Обескровленный. В какую-то простыню завернутый, что ли. Козлы и закопать-то как следует не закопали, видать, под дурью были.

Ну, ясное дело, паника в деревне, милицию вызвали, приехал полупьяный участковый, почиркал в блокноте и укатил в райцентр. А дальше – никакого шевеления. Ты сам прикинь – дело тяжелое, надо возиться... Землю рыть буквально... За обгрызенную штуку деревянных. Тем более заявления безутешных родителей нет. Мусора на это дело плюнули за раз, но мы не менты, менты не мы! – Женя гордо воздел к потолку палец – Кузьмич решил: надо съездить, посмотреть. Ну мы и поехали с Лешкой Ольшевским, ты его не знаешь, его еще осенью в Павловск перевели, с повышением. Остановились у одной бабки сознательной, вроде как родня. Кстати, неплохо – речка, лес... Природа, блин. Недельку мы там загорали, приглядывались. Полнолуния ждали.

– Дождались?

– А то! – судя по тону, Женя хотел сплюнуть, но не рискнул открыть пепельницу. Месяц назад он бросил курить и пока что упорно держался. – Залегли мы с биноклями, наблюдаем. Приехали наконец господа бесноватые, и что ты думаешь – вытаскивают из джипа ребятенка. Совсем мелкого, лет пяти от силы. Такая вот сомнабулка – видать, вкололи ему чего.

Ну, порядку ради мы дождались, когда они свою бодягу доведут до кондиции и мальчика на камень положат. Тут уже пора настала двигаться.

– И чего? – сглотнул я.

– А чего? – удивился Женя. – Повязали мы их. Быстро и культурно.

– Так вас же только двое было?

– А разницы? – Женя снисходительно хохотнул. – Мы же тогда в Резонансе были. Десять ублюдков да бабка – это не проблема, когда вибрируешь. А, ты еще этого не видел. Бережет тебя Кузьмич, на боевые выходы не пускает. Короче, когда в тебе Струна звучит, по фигу, сколько их и чем вооружены. Правда, бабуська непроста оказалась, ее чуть не упустили. Как потом выяснилось, тоже кой-чего умела.

– И чего вы дальше с ними? – в горле у меня вновь пересохло. – Привели в исполнение?

– Хотелось бы, – зевнул Женя. – А не положено. Тут же, сам глянь, – без следствия не обойтись. Сколько и когда детей погибло узнать, связи опять же. Так что вызвали мы нашу бригаду, приехали ребята, отконвоировали нечисть в Столицу. Тут ведь уже и не региональный масштаб. Ну а потом, конечно, их в другую Тональность транспонировали. Причем, подозреваю, помирали они плохо. Но заслужили. Вот... А ты говоришь...

– Да я ничего и не говорю, – вздохнул я, отворачиваясь к окну. Мелькавшие вдоль дороги перелески покрылись уже клейкими, готовыми вот-вот раскрыться листьями и оттого казались опушенными светло-зеленым снегом. Лишь вкрапления темных, величественных елей нарушали мягкую цветовую гамму – синее, у горизонта подернутое клочьями облаков

небо, серая стрела шоссе, а по обеим его сторонам ликующее, согретое рыжим солнцем разнотравье.

Май плыл над миром, жаркий и ласковый. Точно такой же, как и год назад.

Ветер удачи лупит в лицо,
Ветер удачи дождем кропит...
Вот и замкнулось время в кольцо.
Сколько же этих колец в цепи!

Думал ли я, опаздывая на утреннюю получасовую пятиминутку, что пройдет год – всего год, веточка на дереве жизни – и это дерево окажется в совсем ином лесу. Прощай, Столица, прощайте, мама с папой... я так и не решился подать весточку. Знаю только, что они живы, звонил по междугородному автомату, слушал взволнованное «Алло?» и клал трубку. Увы, большего я сделать не мог. Если за утерянной чернильной кляксой Демидовым идет охота, любая такая засветка губительна. И не только для меня. Стоит маме проговориться... тем же соседкам, подругам – и не исключено, что как-то вечером в дверь позвонят вежливые ребята из следственного отдела. «Мы хотим вам, Мария Николаевна, задать всего пару вопросов...» По тем же причинам исключались друзья. Уж если моим пожилым родителям лучше не встречаться со «Струной», то друзьям-то...

Допрашивать наши следаки умеют... Помню, все помню, и расщепленную на конце бамбуковую палку, и веревочную петлю, которой стягивают череп, и лохань с вонючей дрянью, в ней даже и не топят, а так... притапливают. В самом деле, чего церемониться с *деревянным*, когда на карту поставлена судьба несчастных детей... и тут какие-то козлы уважения требуют? Абстрактного гуманизму хотите? Хрен вам, дуболомы, у нас гуманизм конкретный. И весьма действенный. Нам некогда решать неразрешимые вопросы, нам детей от Мирового Зла спасти надо. Любой ценой. А чего дергаться? Струна сказала свое слово... Так что бывай, Уходящий, не кашляй!

И мне приходилось кивать, слыша это от нынешних своих коллег. За меня взялись всерьез. Ежедневные тренировки в спортзале, одуряющие медитации в темной комнате – «учись слушать Струну... Расслабься... Дай Струне прозвенеть в тебе...». И, конечно, изучение материалов... Странно, как я не покрылся сединой, читая их файлы? Сколько же свинства и грязи, сколько же крови... Давно уж у меня не было светлых иллюзий, знал я, что мир во зле лежит. Но одно дело знать теоретически, из прессы, а другое – вот эти сухие сводки по региону. А в скольких случаях наши не успели... Я все чаще ловил себя на этом словечке – «наши».

А ведь все наоборот, и здесь я вроде Штирлица. Только вот нет связи с Центром, да и Центра нет, и что делать, кроме как спасаться, – неясно. Мимикрировать, лавировать, оттягивая неизбежную встречу со свинцовой птичкой... Рано или поздно, я понимал это, все должно кончиться. От Струны можно бегать долго, но не вечно. И то, что меня до сих пор хранит судьба... или какая-то сила – само по себе удивительно. Все чаще я вспоминал слова рыжего мальчишки из своего не то глюка, не то сна: «меня к тебе послали». Вот бы тогда спросить – кто послал? Нет же, чушь какую-то нес...

Да и сам мой случай тоже не вписывался ни в какие рамки. Уж я подобных дел за последние три месяца вдоволь наизучался. Распустил учитель руки – доложили в «Струну». Далее схема стандартная. Являются двое-трое мордоворотов к нему домой, проводят, как это называется в отчетах – «умеренное физическое воздействие», а после предупреждают харкающего кровью бедолагу: увольняйся по-хорошему. И плати к тому же крутые бабки бедному ребенку. На лечение там, на моральный ущерб... Ну, то есть не самому ребенку, конечно, а вот на такой-то расчетный счет.

А на прощание «принимают в клиенты». Обязывают вокруг шеи гитарную струну. Обычно потолще берут. Стягивают, чтобы легонько придушить, потом отпускают: подумай, мол. Не послушался учитель, не подал заявление – являются снова, в отчете теперь будет «решительное физическое внушение», включается счетчик. Если и на сей раз упертый педагог держится за свое место, рвется сеять разумное, доброе, вечное, – он попадает в больницу. Мизерная пенсия по инвалидности – это все, что ему в дальнейшем светит.

И никаких совместительств – у «Струны» имеется черный список, и выложен он в Сети в открытый доступ... Формально как бы и ничего, виртуальная пыль, а принимая человека на работу, начальник, ежели не дурак, обязательно зайдет на всем известный сайт... Зачем начальнику лишняя головная боль?

Мне еще, можно сказать, повезло. Вечнобоязливая директриса Антонина Ивановна слишком стара оказалась, чтобы шарить по Сети. И о «Струне» до нее доходили лишь обрывочные слухи. На всякий случай она боялась, но... «Струна» была лишь одним из параметров ее мира, причем не главным. А вот скандал в департаменте пугал ее пуще ядерной войны. И потому на следующий день после случившегося предложила мне слинять без шума, «по собственному».

Уроки уже кончились, в школе было непривычно тихо. Солнце протыкало острыми своими лучами незашторенные окна директорского кабинета, и пылинки плясали в световом столбе, демонстрируя броуновское движение.

– Садитесь, Константин Дмитриевич, – сухо кивнула Антонина, указывая на стул, приутившийся возле ее массивного, заваленного бумагами стола. – Вы, естественно, понимаете, о чем у нас будет разговор.

Я, естественно, понимал, и оттого молчал.

– В таком случае вы должны понять, Константин Дмитриевич, что ситуация крайне неприятная, крайне... До сих пор вы были прекрасным учителем, у администрации не было к вам никаких нареканий...

«Ну конечно, – мысленно усмехнулся я. – Если не считать списка из тысячи пунктов...»

– Но вчерашнее событие... оно ужасно! Поднять руку на ребенка... на ученика. Прилюдно. Спровоцировать скандал...

– Вы хотите сказать, лучше бы я его в туалете отлупил? – огрызнулся я, сверля взглядом половицы паркета. – Чтобы без свидетелей, без шума?

– Нет, ну зачем вы так? – сейчас же вскинулась Антонина. – Я ни к чему такому не призывала, но... Вы понимаете, что теперь начнется? Милиция, следствие, такой позор... и это перед фронтальной проверкой школы... А что скажет родительский комитет? Ну хорошо, это Соболев был – неблагополучная семья, низкая успеваемость... два привода в милицию... может, там и не станут жаловаться... Но какой резонанс! Учитель... ребенка... ни с того ни с сего...

– Ну, положим, с того и с сего, – мне было противно говорить об этом. – Причину вы знаете, наверняка с детьми поговорили. И давайте условимся – *это* мы обсуждать не будем. Никогда. Просто вот представьте себя на моем месте.

– Уверена, я бы нашла верное педагогическое решение, – грустно взглянула на меня Антонина. – Да, конечно, это свинство с их стороны, испорченность... А что же вы хотите, такое время – телевизор, пресса эта демократическая, фильмы развратные... Но надо быть мудрым, надо быть выше этого. И потом... рисунка же этого после не нашлось, так?

Я нехотя кивнул:

– Естественно, не нашлось. Мне, знаете, не до того было, чтобы сразу сцапать. А после дети подсустились. Изъяли, в общем, компромат.

– Вот именно, – устало подтвердила директриса. – И потому теперь вы никому ничего не докажете. Со стороны это выглядит, что неуравновешенный педагог ни за что ни про что избил мальчишку... Кстати, а вы уверены в своем здоровье? Может, имеет смысл показаться доктору, Константин Дмитриевич? В вашем случае это даже полезно. А то ведь, в принципе, статья вам полагается, Константин Дмитриевич. Нехорошая статья. Уж поверьте мне, за тридцать лет работы я таких случаев насмотрелась. И вижу в данной ситуации только один выход... Вам лучше уйти из школы, Константин Дмитриевич. Поверьте, мне жаль терять сильного предметника, мне нелегко будет заткнуть дыру в расписании, но ничего другого не остается. Поверьте, вы не останетесь без работы, сейчас такая нехватка кадров... Я могу даже Киселеву позвонить, в 194-ю... Конечно, далековато, и школа не из лучших, прямо скажем, но лучше так, чем никак... Или 182#я, как только там капитальный ремонт кончится, может, уже к сентябрю...

– Что ж, Антонина Ивановна, – я вздохнул, глядя на близоруко щурившееся начальство. – Я благодарен вам за заботу, но... Никуда я не уйду. Наша школа меня вполне устраивает, и не вижу оснований... Что же до ситуации... Мне кажется, вы преувеличиваете. Через неделю об этом уже забудут, тем более учебный год кончается, а там каникулы все спишут. И уверяю вас, что больше такого не повторится, я буду тщательно себя контролировать. А в данном случае вряд ли возможны какие-то последствия. Родители Соболева, как вы правильно заметили, вряд ли будут жаловаться. Скорее, они своему отпрыску по-свойски добавят. Да и сам Дима не может не понимать, что получил за дело. В общем, мне кажется, нам лучше сделать выводы из этой истории и забыть о ней. Простите, что доставил вам беспокойство, уверяю, это единичный случай...

– Константин Дмитриевич, – протянула Антонина. – Не все так просто. Возможны всякого рода неприятности... не только те, о которых я уже упоминала. Мне не хотелось бы этого говорить... – она сглотнула, сделав долгую паузу.

– Что вы имеете в виду? Если не милиция, не департамент, не родительский комитет...

– Ну... – поджала бледные губы директриса, – есть такая информация... В общем, у учителей в подобных случаях бывают всякие сложности. У этого Соболева вполне могут найтись криминальные знакомства... Вы же знаете, мальчик он трудный, по таким колония плачет... Сейчас ведь ужасное время... Стоит лишь, как эта шпана выражается, заказать человека... А кроме того... Есть ведь и разные общественные организации... иногда, – понизила она голос, – экстремистского толка. Были уже подобные случаи. Поверьте, обращаться в милицию бесполезно. У них все схвачено.

– Это вы насчет «Струны», что ли? – я невольно рассмеялся. Над полугодовой давности газетной статейкой только ленивый не смеялся. Все было понятно: пресса желтая, сенсация жареная, хотя и написано весьма лихо.

– На вашем месте я бы не смеялась, – сухо заметила Антонина. – Да, конечно, в той статье сильно преувеличено, но дыма без огня не бывает. Так что подумайте, хорошенько подумайте, Константин Дмитриевич. Увы, я могу лишь просить – у меня нет формальных оснований для увольнения, тем более вы с вашим характером еще шум бы подняли... совершенно ненужный шум. В первую очередь вам самому. Вы этого не видите, а я вижу. Прислушайтесь к моим словам, Константин Дмитриевич... Я же вам только добра желаю.

– Хорошо, Антонина Ивановна, – сказал я, поднимаясь со стула. – Я обещаю вам, что подумаю. Но уходить из школы не буду, мне здесь нравится...

О том, что мне бы только переаттестацию пройти, после чего из гадюшника надо линять, я дипломатично умолчал. Пускай Антонина видит, какой я патриот здешних стен...

Уже выходя из кабинета, я невольно обернулся. Директриса, прищурясь, глядела на меня. С грустью глядела и, как мне показалось, с пониманием.

– Мы не опоздаем? – бросил я взгляд на серебристый браслет часов.

– Вроде, не должны, – отозвался Женья. – У нас резерв еще получасовой. Наоборот, ждать будем, пока остальные подтянутся. Кстати, – обернулся он ко мне, – а почему ты отказался вождению учиться? Это ж такое дело, это нужно. Вот повертишь руль – сам поймешь. И Кузьмич тебе тоже все время твердит: учись, мол.

– И пускай себе твердит, – отмахнулся я, точно от назойливой мухи. – Пока мне и без того дел хватает. И рукопашный бой, и стрельба... Блин, вы из меня что – боевика лепите? Я-то, наивный, полагал, будто в аналитическом отделе работаю...

– Ты до сих пор не понял, что деление на отделы – это условность? – усмехнулся Женья. – Людям «Струны» приходится всем понемножку заниматься, смотря по обстановке. Так что гордись, из тебя тут лепят специалиста широкого профиля.

– Это что ж, и следователем придется поработать? – не удержался я от явно лишнего вопроса. Но Женья понимающе кивнул.

– Хочешь чистенькие ручки сохранить? Похвально, похвально. Только вот не уверен, что получится. Мало нас, понимаешь, мало! Тебе, небось, поначалу казалось – вон она какая мощная, «Струна»: и связи, и деньги, и поддержка, сам понимаешь откуда... – оторвав на мгновенье левую ладонь от баранки, он ткнул пальцем в крышу. – А по делу иллюзия это. Не хватает нас на всех, КПД у нас – процентов десять от силы. Именно оттого, что народу мало. То есть, конечно, были такие настроения: набрать огромную толпу, поставить задачи – и вперед...

– И через несколько лет «Струна» превратится в одну большую мафию. Или партию, что еще хуже...

– Раньше, Костян, раньше... – уныло откликнулся Женья. – Эту ситуацию Главный Хранитель просчитал, еще когда все начиналось. Главная сила-то не в количестве людей, сила в качестве. И вот потому раз в год мы проходим Испытание Струной. Так вот, об этом среди наших как-то не принято говорить, но есть смертные случаи, есть. Струна недостойных убивает.

– А что мешает пропустить через Струну огромную толпу? – усмехнулся я. – Пускай каждый десятый подойдет, это уже много.

– А про девять десятых подумал? Тоже сказал... – невозмутимо парировал Женья. – Струна тебе что – мясорубка? И, кстати, какое к нам отношение было бы в народе?

– А сейчас какое к нам отношение? – очень искренне удивился я. – По-моему, никакого. Я вот в Дальнегорске вообще про вас ничего не слышал. Хорошо замаскировались.

– Ну, не совсем так. Иногда пускаем кусок информации. Статейка Малкина, к примеру. Полезная вышла статейка. Понимаешь, сволота всякая должна нас бояться. А страх должен быть адресный. Типа обидишь маленького – придут крутые дяди, строго накажут. Для того и галстуки клиентам надеваем. Чтобы, не дай бог, нас с мафией не перепутали. Был у меня, к слову, один такой клиент непонятливый. Из этих, «новых славян». Все откупиться пытался, все выяснял, кому дорожку перешел. А всего-то надо было дяде сына своего не обижать. А то, видишь ли, ручонки шаловливые... Короче, один ремень мы его схарчить заставили, второй... На третьем дошло. – Женья рассмеялся, явно вспоминая незадачливого папашу.

– Так что, Малкин разве ваш человек? То есть наш... – немедленно поправился я.

– Не-а... Зачем он нам такой? Просто слили выверенную дозу информации, он зацепился. Ему наши потом конвертик прислали, как бы второй гонорар. Раза так в три побольше того, что в газете он получил. Типа «работа проделана большая, полезная...» Так ты представляешь, этот урод вообще перестал для нас писать. И конвертик со всем содержимым отослал на абонентский ящик, который мы ему вместе с материалом залили. Типа «чтобы больше никогда... я честный человек... вы подтвердили мои худшие подозрения...» Вот, а

ты спрашиваешь, наш ли это человек. Зачем нам такие нервные? «Спринтеры, блин, с коротким дыханием»... – смачно процитировал он.

Когда Женя ударил по тормозам, я сперва даже не понял, что случилось. Просто резкий толчок и в грудь врезался ремень безопасности, неприятно екнуло в животе, а серая лента шоссе застыла, словно убитая змея.

– Ты чего? – вырвалось у меня, но Женя явно не собирался пускаться в объяснения. Спина его отвердела, руки вздулись веревками вен, а отраженный зеркальцем взгляд сделался злым и колючим.

Впрочем, причина отчетливо обозначилась впереди. Метрах в двадцати от нас, поперек полосы, стояла милицейская «Волга» с включенной мигалкой. И направлялся к нам постовой с полосатым жезлом, и вид он имел какой-то встрепанный и диковатый.

Что такое? С каких пор милиция тормозит «Струну»? Что наши номера известны всем местным гаишникам, я не сомневался. А мы к тому же ничего и не нарушали.

– Костян, – почти не разжимая губ, процедил Женя, – не дергайся и не пытайся геройствовать. Сиди тихо, я разберусь сам.

– Да что вообще творится? – отчего-то прошептал я.

Не отвечая, Женя быстро выхватил «мыльницу», с бешеной скоростью принялся давить кнопки. Потом, щелкая замком дверцы, сказал:

– Тебя это не касается. Главное – ни во что не вступай. Наши сюда уже едут.

И, уже вылезая наружу, посоветовал:

– Назад, кстати, глянь.

Я глянул. Объемистый джип перегораживал шоссе, а в придорожных кустах наблюдалось какое-то нехорошее колыхание.

Женя хлопнул дверцей и вылез навстречу гаишнику. Тот подходил не спеша и как-то неуверенно, точно не решив, что ему с нами делать. Впрочем, его тут же отодвинул непонятно откуда взявшийся плотного телосложения дядька в камуфляжном комбинезоне.

Они встретились в пяти шагах от машины – пружинистый, неестественно улыбающийся Женя и мрачный багроволицый мужик. Мне, терявшемуся в догадках, оставалось лишь слушать их разговор.

– Ну что, Гусев, нагулялся? Пора в стойло. – Голос камуфляжного мужика был скучным, тусклым, словно горящая вполнакала лампочка. Но отчего-то мне казалось, что вот-вот она вспыхнет свирепым пламенем.

– Не понимаю, к чему эти игры? – холодно ответил Женя. – Еще в прошлом году я по официальным каналам подал вполне официальный рапорт. По-моему, предыдущее начальство восприняло его вполне адекватно. Будь ко мне претензии – наверняка об этом стало бы известно и мне, и моему руководству. *Нынешнему* руководству, – со вкусом выделил он это слово.

– Ты, блин, Гусев, хорош мозги пудрить. – Тебе сказать, как твое паскудство по уставу называется? Или сам знаешь?

– Товарищ полковник, – Женя вел себя на удивление мирно, – вы не первый день на земле, должны вроде понимать, что ничего в этой жизни не делается по уставам. Можете считать, я просто поменял место службы.

– Погавкай мне тут, щенок, – ощерился полковник стальными коронками зубов. Ох и неприятные же воспоминания наваял мне его оскал! Тонкий серп месяца... темный, утоптаный снег... заброшенная стройка... лязг товарняка...

– Слушайте, – все тем же миролюбивым тоном продолжал Женя, – да отнеситесь вы к этому философски. Ну нельзя же так – закрыть глаза и махать оглоблей. Поверьте, всем в итоге станет только хуже. И, в конце концов, зачем вам понадобился этот цирк? – обвел он рукой нечто скрывавшееся в кустах по обе стороны шоссе. – Не проще ли пожаловать к

нам на базу, и там, в присутствии нашего руководства, все и обсудим? Вы что же, всерьез в «зарницу» играть собрались?

Да, правильно я предполагал – эта тусклая лампочка была способна на большее. Полковник взорвался.

– Ты сука, мля, интеллигентская, меня еще поучи, гной пиджачный. Да у твоей мамки столько хахалей не было, сколько у меня операций! Гнида гэбэшная: сдриснул при первом порыве, а теперь строит себе памятник из говна! Герой, ёптыть, незримого фронта!

И гордый полковник ввернул такое определение, какое не смог бы придумать и самый маститый врач-гинеколог.

Женя, однако, прослушал все это спокойно и лишь заявил, глядя куда-то в перспективу:

– Ну и к чему так нервничать? У вас ведь и давление наверняка подскочило, и сердце тоже... второй свежести. Резюме-то какое будет?

– Тебе, говнюк, еще и резюме? – вновь раздулся полковник. – Ну так получай мое резюме! Вы арестованы, гражданин Гусев.

– И на каком же основании? – деланно удивился Женя. – Ордер военного прокурора у вас, или в столе остался?

Полковник коротко, без замаха, ударил Женю каблуком под коленную чашечку.

– Лежать, падла! Мордой в асфальт! Ствол на землю!

– Простите, а в какой последовательности? – точно и не заметив удара, поинтересовался Женя. – Сперва ствол бросать или ложиться? Кстати, у меня и ствола-то при себе нет.

– Ща поймешь, – и полковник ловко выхватил из-за пояса пистолет. С виду обычный ПМ, а на самом деле... Видать, очередное изделие тульских левшей, специально для Комитета. И, что самое страшное, обладатель оружия выстрелил. В Женю. С двух шагов. Очередью.

Странное дело – треска я не услышал. Да и Женя не думал падать, пробитый добрым килограммом свинца.

Происходило что-то невообразимое. Женя, казалось, размазался по пространству, он был всюду – и в то же время нигде. Полковничьи пули пролетели мимо, уйдя в пустоту.

– Ты чего творишь, чмо окопное! – резко выкрикнул увернувшийся Женя.

Полковник отпрыгнул, проворно взмахнул рукой – и тут же раздался треск автоматных очередей. Лупили, казалось, сразу со всех сторон.

Да, наверное, это все-таки трусость. Но вместо того чтобы героически выскочить наружу, навстречу пулям, я резко согнулся, едва ли не сполз под сиденье. И вовремя. Переднее стекло дзинькнуло, покрылось паучьей сеткой трещин и медленно – или это вновь фокусы восприятия? – осыпалось внутрь. Дробь осколков забарабанила по спине, что-то чиркнуло над ухом, липкая соленая струйка стекла мне на губу, но при этом я совершенно не чувствовал боли.

Как-то вдруг сразу я понял, что из машины все-таки надо убираться. Если хоть одна пуля пробьет бензобак... в таком случае у меня вообще не останется шансов.

Рванув со всей силы дверцу, я тяжело вывалился на асфальт. Навстречу гостеприимным свинцовым птичкам, мечущимся в поисках меня, тем самым... но почему-то их уже не было.

Тишина стояла над миром, теплая майская тишина, и в этой тишине шел на негнущихся ногах Женя. Что-то поблескивало у него между пальцев – не то шпага, не то хлыст... Да нет, какая там шпага – обычная гитарная струна, «ре» малой октавы. В серебристой оплетке, хищно извивающаяся, жаждущая крови.

Впрочем, она, похоже, насытилась. Вдали, привалившись к милицейской «Волге», сидел гаишник. То ли дремал, то ли... А совсем рядом, в двух шагах, лежал посреди шоссе полковник. Клякса, пятнистая клякса на сером.

– И еще пятнадцать человек, – точно прочитав мои мысли, устало сообщил Женя. – В кустах. Некоторых я просто оглушил, а остальные...

Он недоговорил. И так было понятно.

– Блин, – после мучительно долгой паузы выдохнул он, – как же по-идиотски сложилось... Ну, ладно – сам козел, моча в мозги ударила, крыша поехала, но ребят-то жалко... армейский спецназ. Эти-то и вовсе ни за что...

– И ты... один? – во рту у меня давно уже пересохло, но лишь сейчас я это ощутил в полной мере.

– Ну да, – печально кивнул Женя. – Боевой Резонанс Струны – вот так это называется. А что делать, Костян? Изрешетили бы они нас. Сам-то цел? Чего с ухом-то?

– Да пустяки, – отмахнулся я. – Стеклом мазнуло. Жень, а что вообще было? Кто эти люди?

Вопросы так и рвались из меня, но Женя не спешил отвечать. Вместо этого он нагнулся над телом полковника, с явным усилием перевернул на спину.

Я видел опавшие бугры мышц, холодное, чуждое загару лицо. Закрытые узенькие глазки... которые внезапно открываются – и из складок камуфляжной куртки брызжет огнем... внизу вверх. Мертвые губы расплываются в печальной улыбке... а потом вдруг лицо его взрывается и падает, улыбки больше нет... и глаза остаются открытыми... навсегда...

И снова ослепительно-черная пауза, провал восприятия... а потом – птичий щебет, легкий ветерок, одуряюще-вязкий запах весеннего разнотравья. И Женя, привалившийся к зелено-коричневой куче тряпья... не сразу я сообразил, что это за куча.

Валялась рядом его черная, почему-то дымящаяся «мыльница», а сам он... скрючился, сжимая ладонями живот, и между пальцев, под желтой тканью футболки, набухало темное пятно.

– Зацепил-таки, гад... Эх, дурак я... не учел... – слова с трудом выдавливались из узкой, изломанной щели рта. – Это ж Мартыненко, волк еще тот... А мог бы и тебя зацепить...

– Куда он попал? – пытаюсь говорить деловито, выдохнул я. – За аптечкой бежать?

– Успокойся, – прохрипел Женя. – Ты еще, пожалуй, намудришь... Сейчас наши подъедут, все по уму сделают. Иди, встречай. А я тут посижу, на ветерке... Эх, хорошо хоть Севку не взяли... Он ведь ужом извивался, просился... Шашлыков захотелось... Ладно, ступай.

А сзади уже слышался звук тормозящих колес.

Я и представить не мог, что их окажется так много. Или это у меня в глазах мутилось?

– Там... Живот... Врача... – пролепетал я, падая в плотную, глухую тьму.

Крепкие руки подхватили меня.

2

Не хотелось включать свет, хотя лиловые сумерки за окном давно перетекли в плотную, наполненную мокрым ветром тьму. Не хотелось вставать с неразобранной кровати, нащупывать тапки, щелкать выключателем. Зачем? Чтобы комнату затопил свет – желтый, точно лимонный концентрат? Чтобы предметы обрели острые свои очертания, чтобы всё вокруг стало беспощадно ясным, расчерченным на большие квадраты? Нет, сейчас мне нужна была именно тьма. Она обволакивала, она лечила, она милосердно скрывала от меня очевидное...

Что самое смешное, физически я был здоров – ну, не считая смешной царапины за ухом. Это Женя сейчас в реанимации, под капельницей, и, хотя доктор Павел Александрович, тряся кудлатой головой, уверял, что шансы есть, и вполне реальные шансы, я понимал: сейчас Женя похож на лодку со сломанной мачтой, без весел. Несут, крутят непредсказуемые течения, и к какому еще берегу ее прибьет – сие неведомо никому. Будь я верующим, наверняка бы сейчас молился.

Но это – не мое. Я даже Севке ничего путного не сумел сказать, да и ни к чему... «Скрыть все равно ведь не скроешь, – Кузьмич говорил сухим, безжизненным голосом, – а ложь он нам никогда не простит. Значит, скажем как есть...» Правда, после первого приступа слез Севка держался куда лучше, чем я предполагал. Поселился в реанимационном отделении и выгнать его оттуда не удалось еще никому – несколько усердных медиков было уже покусано, и Кузьмич дал команду – оставить. В конце концов, его там как-то приспособили к делу – что-то подтирать, выносить...

Два дня уже прошло, а лодка-душа так и моталась между двумя одинаково неприветливыми берегами. Я недоумевал: ну как же это? Мощная, обладающая тайными средствами медицина «Струны» должна творить чудеса. Как вот с моей ногой. На эти мои недоумения Кузьмич мрачно высказался, что на то и «Струна» – в любой другой больнице, будь то сельский медпункт или «кремлевка», смерть наступила бы спустя три-четыре часа после выстрела. Без вопросов. «Ты хоть понимаешь, Константин, что такое пуля со смещенным центром тяжести? – проскрипел он, не поднимая на меня глаз. – Должен понимать, не зря ж четыре месяца занимался... Он сейчас не таблетками держится и не уколами. А тонкими Вибрациями Струны... Это максимум, что в наших силах».

Я честно пытался понять, хотя получалось не слишком. Да, я здесь видел достаточно, чтобы всерьез отнестись к словам про эти загадочные «вибрации», но все-таки до конца принять не мог. Ну не укладывалось оно в моих материалистических мозгах. И даже последнее доказательство – расплывшееся по пространству тело, прозрачное для свирепого автоматного огня, так и подмывало объяснить случайностью.

Но я уже понимал – что-то необратимо изменилось. Что-то сдвинулось в моей душе, открылись какие-то доселе наглухо забитые дверцы, и потянуло оттуда зябким сквознячком. Хотелось согреться, но тут ни камин не поможет, ни одеяло, ни даже крепкие мужские напитки.

Давно ли я учил детей решать квадратные уравнения? И вот всего год спустя... Смог бы я вот сейчас выйти к доске, объяснять забавные свойства дискриминанта? Ведь параллельно в голове все равно крутилась бы мертвая лента шоссе, треснувшее лобовое стекло, блеклые, отражающие синее небо глаза полковника – за миг до того, как разлететься алыми брызгами...

У сегодняшнего полковника глаза были такие же. Тусклые, словно бутылочное стекло. Разительный контраст с мягким, проникновенным голосом, прямо-таки излучающим доверительность и расположение.

Беседа в кабинете Кузьмича проходила довольно странно. Когда я, получив по «мыльнице» срочный вызов, шел туда, то уж никак не предполагал, что встречу с посторонними. Видно, привык за последние месяцы к тесному кругу здешних людей.

Но посторонние были. Во-первых, тощий и длинный, точно копьё крестonosца, лысый дядечка в очень приличном костюме, скромно сидящий в кресле у стенки. Я как-то сразу понял, что под штатский, серым, в мелкую розоватую искру пиджаком вполне могли скрываться погоны. Причем полковничьи. Почему? В разговоре так и не всплыло звание. Но вот влезло в голову – и все. Про себя я окрестил его Полковником – и это очень ему подошло.

Во-вторых, молодая женщина. Худенькая блондинка в голубом костюмчике изящного, но вместе с тем строгого покроя, в качестве прически – стандартная «химия», на ушах дешёвенькие пластмассовые клипсы, заостренное бледное лицо, на котором, точно выводок лисичек, едва пробившийся сквозь слой хвои, спрятались веснушки. Тонкие пальцы задумчиво крутят какую-то бумажку, носок белой туфли слегка покачивается.

Почему-то все эти детали сами собой сложились в образ некой романтической особы, которая, дожив чуть ли не до тридцати, еще не утратила прелестной, прямо-таки детской наивности.

Только вот что она здесь делает? Или Кузьмич решил секретаршу завести? Раньше, вроде б, и так обходился.

– Привет, Константин Антоныч! – кивнул мне привставший в своем исполинском кресле Кузьмич. – Присаживайся куда-нибудь. Тут у нас небольшое совещанье сейчас пройдет. Надо все-таки несколько уточнить контуры недавних событий... ну, да ты понимаешь. Поскольку ты единственный очевидец... И люди хотят тебя послушать. Вот, кстати, познакомься. Это, – обернулся он к откровенно скужающей женщине, – Елена Ивановна. Из Столицы. Наша с тобой коллега. А это, – кивнул он в сторону Полковника, – Сергей Борисович, замдиректора областного Управления Комитета политического надзора. Надо полагать, уже директор. Я не ошибаюсь, Сергей Борисович? Вроде со дня на день должен быть приказ о назначении... А это, – широким жестом представил он меня, – Константин Антонович Ковылев. Наш молодой сотрудник, очень многообещающий юноша. Позавчера он был вместе с Гусевым. Так что, как понимаете, видел все своими глазами.

– Очень приятно познакомиться, Константин Антонович! – подскочил со стула Полковник и мгновенно оказался рядом, а моя ладонь тут же была стиснута его мощной дланью. Чем-то это походило на то, как вел себя Кузьмич при первом знакомстве. Та же суетливая радушность на переднем плане, а поглубже – некая настороженность.

– Да, действительно, очень приятно, – подала голос столичная тетка, не торопясь, однако, совершать какие-либо телодвижения. – Надеюсь, мы быстро во всем разберемся...

– Видишь ли, Константин Антоныч, – перехватил темп Кузьмич, – ситуация получается довольно неприятная. Восемь человек погибло. Кстати, при исполнении порученного им задания. И наш Евгений, сам знаешь... Всё бывает, все под Струной ходим. Проблема в том, что надо же это как-то... э...

– Оформить, – негромко подсказал Полковник. – А то ведь картина ужасающая. Подразделение армейского спецназа, приданное в помощь полковнику Мартыненко, недавнему шефу областного УКПН, утратило половину боевого состава при невыясненных обстоятельствах. А вторая, выжившая половина, ничего не помнит. Картина, напоминающая глубокую контузию.

– Да уж, постарались, – не без гордости кивнул Кузьмич. – Два часа мы им вытерли начисто.

– Да все равно, – скривился Полковник. – В любом случае – пресса, родственники убитых опять же... они ведь не успокоятся. Не стану скрывать, в произошедшем есть и доля нашей вины. К сожалению, полковник Мартыненко никого, в том числе и меня, не

поставил в известность о готовящейся операции. Нехорошо, конечно, так о покойном отзываться, но Всеволод Аркадьевич отличался волюнтаристским стилем руководства. Армейская косточка, да... Уверен, будь операция включена в официальный план, трагедии бы не случилось.

– И что за операция? – бесцветным голосом спросила Елена Ивановна. – В чем, собственно, состояла ее суть?

– Да вы не стесняйтесь, Сергей Борисович, чего уж там... – грустно улыбнулся Кузьмич. – Сейчас не время играть в служебные тайны... Да и все свои тут. В каком-то общепсихологическом смысле мы с вами, можно сказать, коллеги...

– Я бы выразилась – параллельные миры... – пробормотала столичная визитерша.

– Ну... – замялся Полковник, – фактически я не в курсе некоторых деталей... Но, согласитесь, вокруг Евгения Викторовича сложилась действительно сложная ситуация... Сперва почти год полное молчание... ни единого отчета. Он не отзывался на сообщения, мы не могли с ним связаться ни нашими методами, ни через Сеть... Потом этот его рапорт об отставке... странный рапорт, откровенно говоря. Я понимаю, насколько все непросто, и прежний начальник Управления, Максимов, понимал, потому и не форсировал событий – ни вам, ни нам не нужно резких движений, верно?

Он вздохнул, скривился, точно надкусил больной зуб.

– А потом начались кадровые перестановки. Максиму присвоили генерал-майора и перевели в Столицу, а нам прислали Всеволода Аркадьевича Мартыненко. Десантника... Кто-то решил, что именно такими вот боевыми кадрами, прошедшими огонь, воду и канализацию, надо укреплять Комитет... Ну и начал этот Десантник руководить... разгребать, как он выразился, наше дерьмо. Ну и представьте его реакцию на Гусевское дело...

Я с трудом переваривал услышанное. И чем больше я слушал, тем меньше мне все это нравилось. Действительно, странная картина. Женя... Веселый парень Женя...

– Да, Константин, – печальным тоном поведал Кузьмич. – Ты единственный не в курсе... Впрочем, тебе и не надо было знать... лишнего. Но раз уж так сложилось... Теперь глупо скрывать... В общем, наш дорогой Женя, Евгений Викторович Гусев – старший лейтенант КПН. И три года назад был внедрен органами в «Струну». Для сбора оперативной информации. В общем, нормальное дело, интересы КПН всеобъемлющи, мы это знаем и понимаем. Разумеется, когда «Струна» еще создавалась, мы предусмотрели такую возможность. И ничего слишком уж страшного в этом нет. Ведь не мы выбираем людей – выбирает Струна. Мы лишь приводим человека к ней... А раз уж Струна сказала свое слово, какие могут быть возражения? Евгений Викторович действительно принял нашу деятельность по зову сердца. Спецзадание, конечно, спецзаданием, но, я подозреваю, Женя и так бы пришел к нам. Рано или поздно. Он действительно любил детей... любит, – быстро одернул себя Кузьмич. – Страдал, видя творящиеся безобразия. Только вот сделать ничего не мог, несмотря на свою службу. Увы, – повернулся Кузьмич к Полковнику, – в вашей системе вы все повязаны инструкциями, да и профиль несколько иной...

– Инструкции – это не столь уж плохо, – усмехнулся Полковник. – Это цепи, не позволяющие распасться целому. И не дай бог если мы сорвемся с наших цепей... Кстати говоря, мы тоже кое-что делаем. Взять хотя бы вот недавно по области – операцию «Невинность», по борьбе с детским порнобизнесом.

– Ладно, ладно, – неожиданно желчно оборвал его Кузьмич. – Мы в курсе, как вы поборолись. Потом ведь пришлось за вами хвосты подчищать. А почему Сергунчика не изъяли? А Сестру Машу?

– Для оперативного наблюдения, – терпеливо ответил Полковник. – Можно подумать, мы своего дела не знаем. В отличие от некоторых, мы не дилетанты. И не подменяем лихими наскоками кропотливую, многолетнюю оперативную работу.

– Результаты этой работы очевидны, – с ленцой протянул Кузьмич. – Железнодорожного падали полтора года? Семерых детишек потеряли? Потеряли. А если бы мы не транспонировали ту же «Сестру Машу», в Мухинске до сих пор бы на Медянке притон был...

– Мужики, а мужики, – вклинилась в разговор столичная штучка Елена. – А может, не надо членами меряться? Старый и безнадежный спор. Вы, – одарила она Полковника вспышкой огромных серых глаз, – тащитесь своим путем. Мы, «Струна», идем своим. Это ясно. Поэтому давайте к делу.

Я, признаться, был несколько ошарашен ее лексикой. Вот тебе и «трогательная детская наивность с веснушками»... Насколько же плохо я разбираюсь в женщинах...

– Да, вы правы, – согласился Кузьмич. – Простите, Сергей Борисович, не туда меня что-то занесло. Вы, несомненно, тоже вносите весомый вклад...

Обо мне, похоже, все трое забыли, и я решил подать голос. Все время молчать – тоже ведь, наверное, странно.

– Простите, но так что же натворил Женя такого, что вы начали стрельбу? – хмуро спросил я Полковника. – Как чуть было не застреленный, я, видимо, имею право поинтересоваться?

– Да не мы это! – почти простонал Сергей Борисович. – То есть мы, но... не мы. Я тут ни при чем, да и столичное начальство тоже вряд ли утвердило бы операцию... Эх, если бы Мартыненко с людьми советовался, прежде чем художества свои творить...

– Константин, – участливо протянул Кузьмич, – ты успокойся. Лично к нашему гостю ни у «Струны», ни у нас с тобой, полагаю, претензий нет. Наши орлы тоже подчас такое наворотят, за что краснеть приходится. Давай, действительно, к делу... В общем, Женя начал работать и постепенно все более понимал и нас, и наше дело, и душа его отзывалась на голос Высокой Струны. Короче, с какого-то момента он сам себя начал считать прежде всего Хранителем первой категории, а уже в десятую очередь – старшим лейтенантом. Вот такой конфликт долга и совести... Прямо хоть роман пиши... Ну и порвал он свои прежние контакты. Резко. Пожалуй, даже излишне резко... Я говорил ему... Он ведь еще год назад мне во всем признался. Хотя и раньше было более-менее понятно. Мы ведь тоже тут не дилетанты, – иронично заметил он, косясь на Полковника.

Я вздрогнул. Если офицера КПН, профессионала, здесь так легко вычислили, то уж я-то, я-то, беглый смертник, на что могу рассчитывать? На чье-то головотяпство или на доброту Кузьмича?

– Остальное понятно, – добавила Елена Ивановна. – Господин Мартыненко изучил папочку по Гусеву и натурально озверел. А поскольку на все гордые узлы у него имеется верный штык-нож... Короче, Мартыненко решился на жесткие меры. Подготовил операцию по изъятию объекта. Подготовил, кстати, бездарно. Вы согласны, Сергей Борисович? Обратился к командующему местным гарнизоном, Синельникову, с которым когда-то вместе служил на южной границе. Взял взвод армейского спецназа... между прочим, в обход всех мыслимых уставов и инструкций. Но, видно, не доверял он своим новым подчиненным. «Надзиралы – ноль, армия – сила». Так, вроде, вояки выражаются?

Я снова сидел, захлебываясь мыслями. Вот тебе и «наивность-2». Похоже, эта Елена Ивановна знакома с жизнью местного КПН едва ли не лучше Полковника. Только одного я не понимал: меня-то сюда зачем притащили? До сих пор они либо ругались между собой, либо что-то втолковывали мне, но вот ни одного вопроса так и не задали. Шла какая-то малопонятная игра. То ли шахматы, то ли домино...

– Да, увы, всё так, Елена Ивановна, – согласился Полковник, – Мартыненко напортачил, конечно... Все можно было бы организовать куда грамотнее... – он осекся. – В общем, плохо дело, да... Вот теперь, Константин Антонович, мне бы очень хотелось послушать вас.

Расскажите, как все происходило. Желательно поминутно, или хотя бы соблюдая строгую хронологическую последовательность.

Я кашлянул.

– Ну что ж, попробую... Рассказывал уже, и не раз. Хотя, честно признаюсь, в голове до сих пор такой сумбур... Не привык я еще к таким вещам.

– Ничего, привыкнете, – мрачно утешил меня Полковник. – Вы находитесь в начале Славного пути... Итак, я вас слушаю.

Собравшись с мыслями, я заговорил.

...Как ни странно, весь калейдоскоп событий уместился в моем изложении минут в десять. Полковник молчал, лишь пару раз уточнил какие-то мелочи. Особенно его волновало, как вел себя гаишник. Про побоище он слушал едва ли не сучая.

– Ну, спасибо вам, Константин Антонович, – произнес он наконец. – Теперь картина складывается довольно ясная. Остается ее оформить...

– Ну, примерно так, – вмешался Кузьмич. – Двое приятелей ехали в машине на шашлыки. В дороге они подверглись нападению бандитской группировки, за которой велось в тот момент оперативное наблюдение. Силами того самого спецназа и лично товарища Мартыненко. Бандиты, переодетые в милицейскую форму, заставили молодых людей остановить автомобиль и выйти из него, затем угрозами принудили их зайти в лес.

– Стрельба по машине? – деловито спросил Полковник.

– Незачем, – отмахнулся Кузьмич. – Свидетелей нет, шоссе, по Костиным словам, было безлюдным. Машину мы, конечно, уничтожили...

– Ну разумеется, безлюдным, – кивнул Полковник. – Мартыненко же не совсем дурак, перекрыл трассу с обеих сторон. К счастью, он хоть догадался не посвящать тех людей в суть операции.

– Тем лучше. Значит, хоть с ними не надо работу проводить. В общем, оперативники наблюдали ситуацию из укрытия. В самый последний момент, когда обоих юношей заставили рыть себе же могилу, Мартыненко принял решение о захвате. Могилу мы, кстати, уже вырыли.

– Повышенной комфортности, – невинно уточнила Елена Ивановна.

По-моему, не только я поперхнулся, но и Кузьмич с Полковником. Впрочем, Кузьмич после секундной задержки продолжил:

– Завязался бой, бандиты побежали к шоссе, к своему джипу... и основное побоище случилось близ дороги. Надеюсь, джип уже утилизировали?

– А как иначе? – искренне удивился Полковник. – Разобрали на части.

– Вот, далее, в завязавшейся перестрелке восемь человек, включая Мартыненко, было уничтожено огнем бандитов.

– Да смешно звучит, Аркаша! Чтобы опытный спецназ, прошедший Дальнегорск и всякое такое, перестреляли как цыплят?

– А бандиты, – желчно усмехнулся Кузьмич, – они, по-твоему, сосунки зеленые? Они тоже в тех же спецвойсках служили, а кто-то и в органах работал, пока там еще хоть какую-то зарплату платили... Короче, тоже обкатанные мальчишки. Кроме того, ваши ребята допустили элементарную ошибку – не проверили, ждут ли устроивших засаду на дороге свои же люди в лесу. В результате неверно оценили численность банды...

– Хорошо, а трупы?

– Думаешь, журналюги и в морг пролезут? Ладно, с этим мы подсобим, в соседнем регионе как раз сегодняшней ночью *деревянных* транспонировали, там молодые и здоровые... Я уже попросил, чтобы жмуриков привезли. Дырки нужные сделают. Оформить их в мухинском морге – уже твои дела.

– Там неприятная тетка заведующая, – задумчиво протянул Полковник. – Упертая. Но это ладно, это мы подкрутим. Ты вот лучше скажи, с нашими-то телами как быть?

– Они где сейчас? У вас? – осведомился Кузьмич.

– Скажешь тоже! – сердито махнул рукой Полковник. – В общегородском.

– У вас что, теперь и морга своего нет? – присвистнул Кузьмич. – Ну вы, ребята, дожили...

– Угу, спасибо дерьмократам, – раздраженно бросил Полковник.

Я поежился. У них нет, а у нас, в «Струне», значит, есть и свой морг? Чтобы, в случае чего, тихо, без лишних осложнений?

– Из-за этого вашего идиотского оружия мы не можем допустить к телам родных, – Полковник удрученно стукнул ребром ладони по колену. – Тогда сразу повисает версия обычной перестрелки. Ведь порублены тела. Господи, обычная ж гитарная струна... Как это чисто физически возможно?

– Умеем, – согласился Кузьмич. – А ты и не допускай родных. – Там ведь не просто перестрелка была, бандюган один гранату рванул. Так что покорежило ребят... Наши на месте всё прибрали уже, теперь там чисто... не прикопаешься. Ребят – в цинковые гробы. Родичам – выплатить все положенное сразу и без скрипа. Лично проконтролируй, а то ведь по-всякому бывает: сучка какая-нибудь в бухгалтерии напутает или нахамит, а убитая горем вдова... сам знаешь, какой тут возможен крик. Вот тебе и журналюги обеспечены.

– Не учи дедушку кашлять, – отрезал Полковник. – Не в первый же раз. Тут другое хуже. Общественность-то мы с тобой сделаем, так ведь к нам уже комиссия из Столицы едет.

– Медленно что-то едет, – Кузьмич с улыбкой поглядел на загадочно молчавшую Елену. – Но как доедет, бандюги уже должны быть кремированы.

– Но идентификация? – прервал его Полковник.

– А что? Посмотри по архивам, кто у ментов в долгом розыске, сделай выборку... Чтобы чисто теоретически все они *могли* встретиться и скорешиться. Фотографии трупов только вовремя замени настоящими фотками. В общем, развалить это, конечно, можно, но только если очень постараться. Но вроде в Столице под тебя не копают, Борисыч? Скорее наоборот... А ты эту комиссию еще и прими по-хорошему... Ну, не мне тебя учить – баня там, рыбалка... У нас же места красивые... Девственная, блин, природа, – лицо его дернулось, точно от ожога.

– В первом приближении оно катит, – задумчиво протянул Полковник. – Только вот гладко оно на словах или на бумаге, а как еще повернется...

– Вот когда повернется, тогда и будем смотреть! – отрезал Кузьмич. – В общем, вроде как закрываем тему, да? Тогда есть предложение перейти к неофициальной части.

Выскользнув из кресла, Кузьмич тут же направился к своему скрытому в стене сейфу, и сейчас же на свет извлечена была бутылочка коньяка и четыре бокала.

– Только без меня! – сейчас же предупредила Елена Ивановна. – Я спиртного не потребляю!

– Ну разве что символически? – предложил Кузьмич, ловко нарезая дольками невесть откуда взявшийся лимон.

– И даже символически! – заявила столичная гостья. – Я, по-моему, ясно выразилась – не употребляю вообще. Могли бы, кстати, заранее озаботиться безалкогольным.

– Нет проблем! – расцвел мой шеф. – Костя, сбегай в «Дорогу», возьми у Боксиса какого-нибудь лимонаду.

– Я предпочла бы «Нарзан»... – задумчиво хмыкнула Елена Ивановна...

Всё это казалось, по меньшей мере, странным. Будто специально для меня разыгрывался спектакль – настолько слаженно действовали Кузьмич с Полковником. Да и вообще были они похожи, точно родные братья – тощие, лысые, жилистые, стремительные в дви-

жениях и осторожные в словах. Отними от Полковника сантиметров двадцать – и у моего шефа появился бы натуральный близнец.

Наверняка они знакомы с давних времен. Аркаша – называл Кузьмича Полковник, и тот принимал это как должное. Воистину близнецы-братья. Только, судя по всему, Кузьмич из этой парочки старший. Некоторые звери «равнее» других...

Только вот зачем? Зачем нужно было таскать меня и выспрашивать о том, что я и так уже десять раз рассказывал, о чем я сразу же, по требованию Кузьмича, написал объяснение... Неужели только затем, чтобы полюбоваться на мою скуластую физиономию? А сам разговор... Как это было похоже на старый фильм – черные лошади, белые маски... или наоборот...

И совершенно не вписывалась ни во что столичная дамочка Елена Ивановна. Зачем она здесь? Ее что, специально прислали из Столицы разбираться с инцидентом? Сомнительно. Похоже, она, по крайней мере неделю, торчит здесь – иначе откуда такие познания в местной специфике? Кузьмич, столкнувшись со мной в коридоре этажа, вскользь обмолвился, что Елена Ивановна прислана сюда не случайно, а со спецмиссией и соответственными полномочиями...

Фраза, которую можно трактовать как угодно.

Нет, не так представлял я посетившее нас столичное начальство... Пластмассовые клипсы... обветренные губы... темно-серые, точно грозовые тучи, глаза. Интересно, каковы скрытые в этих тучах молнии? И никакая она не романтическая девочка – это я уже понял. Ей, наверное, уже за тридцать... Хотя с такими особами ни в чем нельзя ручаться заранее.

И наверняка она поработала с моим личным делом... Логично? Вполне. А ну как начнет копать? Последние месяцы я сильно расслабился, втянулся в здешнюю кутерьму, а ведь мое существование подвешено на тонкой, невидимой глазу ниточке. Любая глупая случайность, нелепое совпадение – и нынешние друзья-приятели, хищно оскалась, обгрызут до костей... А ведь громкое дело может получиться – враг-«деревянный» пробрался в Цитадель Света, прикрылся овечьей шкурой... И плевать, что здешние овцы имеют острые клыки и питаются волчатиной.

Я рывком встал с койки, не надевая тапок, подошел к окну, распахнул его. Мокрый, пахнущий дымом ветер ворвался в комнату, выдувая из нее затхлое тепло зачем-то работавших батарей. Нет, определенно нажалуюсь завтра завхозу. Лето уже на пороге, а тут как при старом режиме – борьба за расход топлива...

Я едва ли не по пояс высунулся в окно, ловя губами наполненный крошечными холодными брызгами воздух. Абсолютной тьмы не было – фонари исправно горели, и светились синеватые огни на горизонте – начинавшийся город. Да и мутное белесое пятно мелькало в разрывах туч – это неумело пряталась луна. «А ведь сегодня полнолуние, – неожиданно подумал я. – Оборотни, не в силах сдерживать позывы, обрастают волчьей шерстью... И тогда, осенью, тоже было полнолуние... И застывали черные кляксы под равнодушной желтой мордочкой...»

Ладно, что будет – то будет. В конце концов, вместо свинцовой птички в затылок я смотрю довольно занятное кино. Хотя могу и не увидеть конца – строгие контролеры выведут безбилетника из зала.

...Лирика – оно, конечно, здорово, миллион терзаний и интеллигентская рефлексия, но насущных дел никто не отменял. А мне еще поработать с данными надо, завтрашний выезд нельзя откладывать. Эх, собирались с Женей, и все было б легко и просто. А теперь придется самому. И чувствовал я себя крайне неуверенно.

Пришлось щелкнуть выключателем, и желтый, точно апельсиновый сироп, свет залил комнату.

Терзания подождут. До времени.

3

Я задумчиво доедал яичницу и потягивал остывший кофе, когда в кармане моем заверещало. Вынул «мыльницу», недоуменно поднес ее к уху. Ну, и кого там черт принес?

Черт, разумеется, принес Кузьмича. Шеф попросил меня прямо сейчас зайти к нему в кабинет. И тут же дал отбой, суховатый голос его растаял в комарином писке фонового сигнала.

Мне это, мягко говоря, не понравилось. Особенно в свете недавних событий. И тут же вспомнился глупый и мутный сон, навалившийся на меня в третьем часу, когда я все же оторвался от монитора, ощущая гулкую пустоту в голове. По идее, там не пустоте должно быть место, а утрамбованной информации по фирме «Комфорт-А». Только вот глупая голова не могла уже принимать байты, и сил моих хватило разве на то, чтобы разобрать постель и шмякнуться щекой в пахнущую грозowymi облаками подушку.

...Я шел по зимнему парку, чистому и безлюдному, где припорошенные белым еловые лапы прямо-таки просились на новогоднюю открытку, а в мягких солнечных лучах искрился еще не тронутый оттепелью снег. И лишь спутанные цепочки птичьих следов заполняли пустоту этих не написанных никем страниц.

Однако настроение мое ничуть не отвечало окружающей безмятежности. Я знал: ничего уже не изменить, грядущее записано и оприходовано в каком-то потертом гроссбухе, и мне остается лишь идти по скрипучей, утоптанной дорожке навстречу тоске. Даже повернись я и шагни обратно – все равно дорожка, лукаво искривившись, привела бы меня в залитый бледным светом Мраморный зал, где уже выгнулась мне навстречу огромной голубой запятой Струна, а в наэлектризованном воздухе сгустилась музыка.

Расплывься кляксой под осенней луной сейчас казалось милостью, незаслуженным подарком судьбы. Пуля в затылок – и конец. Ни стыда, ни боли, ни гниловатого привкуса несбывшихся надежд... Увы, все будет иначе. Пустота прогнетса, треснет, вырвется на волю бешеная музыка, тонким сверлом войдет в мой мозг, подчиняя себе, выдавливая из съежившейся души то, что еще оставалось моим.

А вокруг, по колено в сугробах, стояли *они*, в кургузых курточках и вязаных серых шапках. Посиневшие губы слегка дергались, время от времени выдавливая сгустки слов:

– Мы прощаем тебя, Уходящий... Мы прощаем тебя...

И с каждым выдохом взлетало морозное облачко, возносясь к подернутому неясной дымкой небу. А там, над головой, яичным желтком плавало солнце, больше похожее на луну – ту самую, скучно взирающую на пролитые в сухую траву человеческие кляксы.

Я хмуро шагал мимо *них*, стараясь не встречаться глазами с напряженными детскими лицами. Кто же пригнал их сюда, выстроил шеренгами, заставив твердить безнадежно-ледяные слова? Им бы не это, им бы в салочки сейчас или на санках, – но, похоже, детской в них осталась лишь оболочка. А душу выгрызла та самая, хищно изогнутая голубая запятая, раздувшийся на горизонте исполинский червь – то ли смерч, то ли выползший из темных сказок дракон. Добрый дракон, заботливый... Ему виднее, ему и карты в руки... и карты, и планы, и автоматы, и бамбуковые, расщепленные на конце палки.

Увести бы их отсюда, из этой стылой неподвижности, туда, где настоящее солнце и настоящая трава... только нету уже таких мест.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.